

Д. Рылов

МОЙ РОМАН С КОНТРАКУЛЬТУРОЙ
В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

ПРОЛОГ

Статьи, в разное время написанные мной для альманаха «КонтрКультура», до сих пор не опубликованы, отчасти потому, что не были приняты к публикации, отчасти потому, что издание не возобновилось. Здесь я размещаю эти статьи и, во избежание неясностей, которые могут возникнуть при их прочтении, некоторые другие материалы. Разнообразие жанров и общий объем всего написанного (он почти равен объему одного номера альманаха «КонтрКультура») породили искушение назвать данный труд «КонтрКультура № 6», но так я поступать не буду, потому что это не «КонтрКультура № 6».

Часть первая. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

В июле 2002 года Марина Рагозина познакомила меня со светилом отечественной журналистики Сергеем Гурьевым, создателем андеграундного альманаха «КонтрКультура», возродившегося в 2001 году после восьмилетнего перерыва.

В результате некоторого заочного, а затем и очного общения (как тогда, так и до сих пор, общение у нас проходит через Марину Рагозину, за исключением нескольких знаменательных случаев) мы договорились о следующем: в месячный срок я напишу для альманаха статейку страниц на 10 (примерно 18000 знаков) об особенностях освещения событий международной и отечественной жизни информационными агентствами, благо моя жена Татьяна Парфенова работала тогда переводчиком в новостном агентстве РосБизнесКонсалтинг.

Дело в том, что я уже давно лелеял мысль написать статью такого рода, однако публиковать ее было совершенно негде, кроме совсем уж маргинальных изданий анархистского толка, мне же хотелось несколько большего. Когда Марина Рагозина сказала мне, что можно попробовать что-нибудь написать для «КонтрКультуры», я подумал, что это подходящее издание для появления данного материала, благо я только недавно прочитал номера 4 (2001 г.) и 5 (2002 г.). Несмотря на то, что направленность у альманаха в основном музыкальная, причем с упором на рок-музыку, там печатались со смелыми политическими воззваниями авторы типа Д. Костенко и А. Цветкова, центральные же материалы за авторством С. Жарикова и особенно С. Гурьева и вовсе переводили альманах в некую общекультурную плоскость, где музыка, искусство вообще, история и политика находились в своеобразном синтезе.

С. Гурьев одобрил тему и идею, но предупредил, что только в одном из десяти случаев статья может и оказаться на уровне, и попасть в концепцию издания, остальные девять потребуют доработки, возможно, серьезной и долгой. Я согласился, конечно.

Основным напутствием С. Гурьева стало «Уровень! И драйв!», затем я приобрел у него «КонтрКультуру» № 5, а за №4 поехал к другому создателю, Александру С. Волкову, и внимательно снова ознакомился с содержимым альманаха для овладения интонацией издания (в скобках я охарактеризовал бы ее так: интеллектуальный снобизм наряду с ненормативной лексикой и агрессия в отношении младших собратьев по журналистике вследствие кризиса среднего возраста).

В указанный срок статья была готова. Вот она.

Д. В. Рылов

ИНФОРМАЦИЯ МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ.

Человек, которому нужна информация, всегда полагает, что ему нужна мудрость. Если человек является человеком мудрости, то только тогда он становится свободен от необходимости в информации.

Идрис Шах.

Одному моему приятелю, профессиональному художнику с тонкой душевной организацией, знакомые предложили за двадцать долларов поучаствовать в телешоу про наркотики, точнее, про их недозволенность. Подойдя к делу без должного чувства юмора, он прибыл на место съемки со взвешенным сложным отношением к проблеме, где и услышал примерно следующее:

— Вот тебе сценарий, будешь из соседней комнаты изображать «звонок в студию», будто ты рабочий ЗИЛа, днем с дружками пьешь водку, ночью торчишь на героине.

Приятель в ужасе сбежал.

Другой мой знакомец, гораздо менее щепетильный, иногда показывался в телешоу о сложностях сексуальной жизни. В одной передаче он изображал психолога, владеющего разнообразными аналитическими навыками: с трибуны со зрителями он поглаживал бороду, вздымал бровь и авторитетно оценивал де-труа, сидящее в круге света. В другой же передаче он сам снимался в качестве носителя изысканного извращения, сейчас уже, к сожалению, не идентифицируемого.

Когда я спросил свою бабушку, почему она сочувствует историям, рассказываемым в телешоу, ведь там все вранье, бабушка ответила мне с высокомерием истинного члена постисторического общества:

— А какая разница?

И это действительно так. Давно пора привыкнуть мысли, что краткий период истории, когда правду пытались отделить от вымысла, в целом можно считать завершенным.

В этом убеждают не только телешоу с правдивыми рассказами, выученными по бумажке, звонками в студию из соседней комнаты и меняющимися амплуа участниками, но и печатные издания, в зависимости от степени разрешенной самим себе желтизны варьирующие процент выдуманных новостей, выдуманных писем в редакцию и постановочных фотографий, и даже новостные телесюжеты.

Потому что телезрителю остается только хлопать глазами, когда в новостях центрального канала показывают сюжет, основанный на постмодернистском учебнике Кирилла Немоляева «Истерия СССР», где ВВЦ означает «Волостной Выездной Цирк», и как бы в подтверждение излагаемого ведущим бреда демонстрируется реальный главный вход ВВЦ. Или когда в другом сюжете повторяют давешнюю первоапрельскую шутку о грядущей необходимости сортировки бытового мусора жителями Москвы в рамках коммунальной реформы, а неподчинившимся (тонкий момент) будут отключать горячую воду, видеоряд же представляет собой какие-то помойки и бабушек, имеющих свое мнение по этому поводу. Или когда в исторической телепередаче, где много эффектной черно-белой хроники с трупом Ленина и царской семьей, наконец сообщается, почему Циолковский занимался космическими проблемами – да потому что большевики исповедовали экзотическую ересь, которая утверждала скорое воскресение мертвых. Естественно, когда все

мертвецы воскреснут, на земле станет тесно, для этого и необходимо освоение космоса, чтобы всех живых в него отправить. Поэтому же и Ленина не хоронили, и священников мочили. Занимательная микология Курехина на этом фоне выглядят просто жалко.

Когда такое говорит и показывает Москва, бесполезно всему верить, или наоборот, сомневаться в компетентности изготовителей, потому что не в компетентности дело. Любой опытный телезритель скажет просто:

— Какая разница?

Если раньше обещали рассказывать не очень интересную, зато правду, или наоборот, врать так, что почтеннейшая публика умоется слезами, то теперь гораздо важнее, чтобы она просто внимала, хлопая глазами. Грань между враньем и искусством аккуратно стерта, и, собственно, разве она когда-нибудь существовала, господа телезрители?

Иллюзия беспристрастности сохраняется, пожалуй, только в новостном жанре, причем имеются в виду, конечно, не теленовости или телеаналитика, которые сильно меняются под воздействием харизмы и ангажированности умного ведущего, и не газеты, самые серьезные из которых все-таки берут новости из информационных агентств, имеется в виду сам этот первоисточник – информационные агентства.

Среди нынешних агентств тоже, конечно, большую часть составляют интернет-варианты издания «Прикольные Сенсации». Но представим себе, однако, такое идеальное новостное агентство, которое получает сведения не путем кражи и юмористической обработки информации коллег, а имеет собственный штат корреспондентов, переводчиков и аналитиков. Данное агентство не допускает на своей ленте новостей типа «женщина-полицейский колготками задушила преступника» и новости не сочиняет. В России действительно существует несколько таких агентств, хотя для их перечисления хватит пальцев одной руки, даже если парочку ампутировать.

Так вот, даже такое идеальное новостное агентство при всем желании не будет доносить до потребителя полноценную информацию, и злой умысел здесь ни при чем. Причины немного другие.

Любой материал, прежде чем попасть на новостную ленту, проходит два фильтра. Первый фильтр – идеологический.

Никакое новостное агентство не будет передавать из зарубежных источников информацию, порочащую отечественную власть.

В России, к примеру, уже на этапе перевода полностью блокируется все, связанное с неприятными нюансами взаимоотношений Путина и Чечни, даже если информацию об этих нюансах дают крупнейшие иностранные масс-медиа.

Никакое новостное агентство не будет передавать из зарубежных источников информацию, порочащую большой капитал.

Потребитель не узнает о публикации в одном из авторитетнейших в мире экономических изданий «Wall Street Journal» материала об источниках доходов компании «Аэрофлот», основным из которых являются поборы за использование воздушного пространства России самолетами зарубежных авиакомпаний, а отнюдь не пассажиры.

В целях безопасности потребителю вообще нежелательно узнавать, как освещается зарубежными СМИ происходящее в его собственной стране. Ведь им *не может быть* лучше видно нашу внутреннюю жизнь со стороны просто потому, что они сами ссылаются в своих новостях на наши агентства. Любопытно другое: аналитический комментарий к этим новостям очень часто оказывается не слишком лестным, и вот такой комментарий лучше игнорировать, потому что какое их дело.

Уж если и стоит знать о том, что пишут про нас за рубежом малоприятного – только в рамках концепции «они до сих пор думают, что у нас по улицам медведи ходят», причем в отношении рядового зарубежного потребителя информации это и правда, он тоже узнает только отфильтрованное. Испанские ньюзмейкеры, к примеру, зимой исправно оповещают

свое население, сколько человек в России замерзло за отчетный период, а летом – сколько человек в России утонуло.

Обывателю нежелательно узнавать об уличных беспорядках в его стране – может возникнуть желание к ним присоединиться. Массовые беспорядки – это всегда из жизни других стран. Именно зарубежные агентства всегда более плодотворны по подобным поводам, чем внутренние, которые иногда, как в случае со студенческими волнениями в Москве в 1994 и 1995 годах, и вовсе молчат как рыбы¹.

Нежелательна информация, подрывающая авторитет силовых структур, то есть, да, конечно, антиглобалисты полицейских пиздят жестоко, но по телевизору покажут все-таки побитых антиглобалистов, чтоб другим неповадно было². Информация о дурманящих веществах должна быть ограничена только сенсационными цифрами (десять тонн героина на миллиард долларов), и не более того, в чем проявляется забота о здоровье общества. За марихуану сейчас из европейских стран сажают только в Швеции, Франции, Финляндии и Греции, в семи из пятнадцати стран ЕС употребление любых наркотиков не считается уголовным преступлением или карается административными штрафами, во многих практикуется метадоновая заместительная терапия и продажа героина для наркоманов, но вы же знаете эту экзотику зарубежной жизни.

Однако новость совершенно не обязательно замалчивать и игнорировать *полностью*. Когда по улицам Москвы куда-то целенаправленно едут танки, трудно вообще ничего не объяснять изумленному обывателю. Но зато можно говорить, как это было в конце сентября 1993 года, про небольшие столкновения с коммунистическими бабушками, показывая все время один и тот же кадр: омоновцы кого-то бьют. «Мы не дали им прорваться», заключает комментатор.

Уже 4 октября, когда первый канал отключили, и CNN по НТВ показывало все действие в прямом эфире, по второму каналу журналисты все еще ловили где-то в Беляево праздничношаствующих и спрашивали у них: «Не правда ли, прекрасная погода? А слышали ли вы что-нибудь о происходящем у Белого Дома?» Прохожие чесали репу и отвечали: «Что-то происходит?», но их быстро утешали: «Кое-что происходит, но наши уже справляются с этой проблемой».

Почему после этого удивляются досужим гражданам, пришедшим посмотреть на бойню, совершенно непонятно. До этого их в течение двух недель кормили рассказами о пьяных бузотерах и профессоре-чеченце, резвящихся в сердце любимого города, и вот теперь, когда милиционеры, наконец, положат законный предел их шалостям, и об этом спокойно сказали в телевизоре, и даже устами Гайдара пригласили на шоу «Отечество в опасности», почему бы не полюбопытствовать, тем более день действительно был замечательно погожий.

Беспристрастное CNN, как более профессиональный игрок в новости, сделало ход тоньше, без всяких комментариев показывая: эти русские мало того, что в центре своей столицы устроили форменную резню, они еще и пришли на это поглазеть.

Из всего, о чем тогда было умолчено, отмечу одну трогательную подробность финала этой истории, которую запечатлели все СМИ – депутатов выводят из Белого Дома омоновцы и сажают в автобусы. На этом ставилась логическая точка – рассказывать больше не о чем. Но праздник совсем не кончился.

После того, как выключились телекамеры и телезрители, наконец, смогли спокойно поужинать, выявился небольшой недосмотр: на всех пленников автобусов не хватило. Депутатам, которых вывели последними, сказали: «Теперь бегите, а мы по вам стрелять

¹см. подробные статьи Александра Тарасова www.screen.ru/Tarasov/zatmen.htm и www.screen.ru/Tarasov/Tehmen.htm

²Алексей Цветков: «Спасибо СМИ, сложилось впечатление, что «антиглобалист» это подросток с цветными волосами, в соплях от полицейского газа, неистово швыряющий куда-то бутылки»

будем», после чего те, подобно зайцам, бегали по дворам и стучались в двери квартир под веселый треск автоматов и салют трассирующих пуль (таким образом чердаки близлежащих домов очищались от снайперов), а над самым Белым Домом, к ночи разгоревшимся как следует, стояла огромная огненная корона.

Идеологическая фильтрация новостей происходит уже на этапе прохождения через информационные агентства, и негласный список табуированных тем достаточно обширен, однако второй фильтр – коммерческий – оказывается не менее серьезной помехой на пути информации к потребителю.

Дело в том, что когда новостной товар проверен с точки зрения безопасности, его нужно уметь подать интересно, поскольку информация в современном мире, мире товарно-денежных отношений, является товаром, наряду со всеми остальными: творчеством, религией, любовью, философией. Товаром, на который можно поставить копирайт, продать или отправить на перепроизводство, как ненужный.

Экономическая аксиома гласит, что на любом рынке главенствует потребитель, и из этого с необходимостью следует, что на новостном рынке есть только новости, интересные потребителю, рядовому обывателю, или образу рядового обывателя, каким его видят информационные структуры, а еще точнее, каким он должен быть.

Наше идеальное агентство не может повышать «кликабельность» (есть такой термин, от «клик» мышью) своих новостей за счет заголовков типа «Повесившийся в метро покойник мешал движению поездов», зато может урезать все, не интересное своей основной аудитории. Если таковой являются, скажем, молодые бизнесмены, агентство никогда не даст информацию о последних исследованиях английских ученых, по которым некоторые таблетки, принимаемые женщинами при климаксе, вызывают рак, ибо молодые бизнесмены вряд ли даже знакомы со значением слова «климакс», зато новые лекарства от импотенции во всех случаях вызовут здесь живой интерес.

Игра акцентами, связанная как раз с продаваемостью, интересностью информации с одной стороны и ее политической корректностью с другой, – один из основных принципов подачи современными медиа-структурами информации.

И здесь возникает необозримое поле для деятельности.

Потребитель может узнать, что Международный Валютный Фонд не дает денег России, а они ей очень нужны, но узнает гораздо позже, *почему* он этого не делает. Просто предыдущий кредит исчез и обнаружился позднее в швейцарских банках на счетах известных ныне деятелей. И уже совсем *никогда* ему не расскажут о стоящих за добрым МВФом Транснациональных Корпорациях, требующих прозрачности экономики кредитуемых стран для собственных нужд, вырабатывающих сценарий экономических преобразований этих стран в собственных интересах, результатом чего являются экономические кризисы (для преодоления которых МВФ, впрочем, был создан) данных стран.

Или потребитель может узнать следующую историю из жизни рядовых американцев. Некий атеист, недовольный тем, что его дочери приходится в процессе клятвы американскому флагу произносить слова «единому народу перед Богом», выиграл дело в федеральном суде Сан-Франциско, который признал право атеистов и многобожников не произносить таких слов.

Что тут началось! Члены палаты представителей конгресса США в полном составе вышли на ступени Капитолия и хором произнесли клятву флагу. От имени Президента было сказано, что даже на деньгах написано «Мы верим в Бога» и тому подобное. Скандал, одним словом.

Без внимания останется только одна деталь: в стране с самой сильной в мире демократией *каждый* гражданин в возрасте с 6 до 17 лет (срок обучения в средней школе, а если он посещает детское дошкольное учреждение, то и с более раннего возраста), начинает каждый свой день следующим образом: все встают, кладут руку на сердце и хором

произносят клятву *верности американскому флагу*.

Особенно приятно видеть игру акцентами по международным проблемам, когда одно и то же событие умело подается разными сторонами конфликта.

Когда в июле 2002 года Марокко захватило малюсенький испанский остров Перехиль, а потом Испанцы отняли его обратно, США естественным образом посчитали себя обязанными вмешаться. Любопытно было наблюдать смещение акцентов информации в зависимости от точки зрения.

Испанские агентства передают новость: «Мы *не отдадим* остров, если Марокко не пойдет на уступки». Американские агентства переводят эту новость: «Испанцы *согласны* отдать остров, если Марокко пойдет на уступки». No comments.

Существует вполне определенная информационная *иерархия*, особенно ярко проявляющаяся себя в телевыпусках новостей, где последовательность подачи не только структурирует материал для более удобного и быстрого его восприятия, но и незаметно определяет его с точки зрения важности и интересности.

Важнейшие новости всегда касаются государства и капитала.

Ерунда, вроде погоды, науки, спорта и искусства всегда плетется в хвосте.

В середине, а иногда и в начале – сенсации, связанные обычно с массовой гибелью людей.

Меня особенно умиляет место культуры в этом списке – где-то между погодой и спортом, и трудно видеть в этом злой умысел. Так принято. Политика и экономика всегда важнее, хотя вопрос этот, признаться, более чем спорный, поскольку превосходство социального над культурным нельзя доказать ничем, в том числе и историческими фактами, ибо неизвестно, фактами, собственно, чего, культуры или истории, они являются.

Но самое интересное даже не в этом. *Негласные приоритеты*, которые неуклонно соблюдаются при оценке необходимости и интересности информации потребителю, настолько односторонни и настолько искажают картину происходящего, что остается только смиряться с отсутствием в мире, созданном новостными агентствами, целых огромных территорий с огромным населением.

Это определяется в первую очередь *географией* новостной тематики. Если новость может содержать сведения о европейском происшествии, в котором оказалось менее десяти погибших, то новость о происшествии в Латинской Америке дается только если в нем погибло более пятидесяти человек. Что касается Африки, то менее ста в одночасье преставившихся на этом далеком континенте наши новостные агентства не воспринимают – кому интересна эта Африка?

Количество смертей само по себе является очень важным приоритетом, однако существует множество дополнительных факторов продаваемости. Например, потребитель не очень любит бытовуху, или не должен любить. Пожар в жилом доме и пожар на заводе с одинаковым количеством погибших не будут одинаково освещаться агентствами, равно как и взрыв-теракт или взрыв-криминальная разборка. А вот стихийные бедствия, особенно наводнения, пользуются наилучшим спросом, и еще землетрясения, но не всякие, а с разрушениями. Если в Японии пятибалльное землетрясение, это проходит незамеченным, поскольку в Японии строят хорошо и ничего не ломается, а вот в Чили пятибалльное землетрясение вызовет разрушения и порадует обывателя. Самый же огромный процент смертей, как известно, в дорожно-транспортных происшествиях, но они освещаются неохотно по причине той же самой любви к политически значимому – разве что автобус с детьми перевернется, в отличие от авиакатастроф, с некоторых пор привлекающих особое внимание публики.

Еще одной причиной отсутствия Африки в мире является ориентированность на события в странах *капитала*; экономико-статистические данные по той же Европе, к примеру, даются обычно по традиционным странам-лидерам – Германии и Великобритании, реже

Франции, за информацией по остальным странам Европейского континента к отечественным новостным агентствам обращаться не стоит, здесь помогут только специализированные финансовые издания.

Следует отметить также *урбанистичность* информационной тематики – в противовес тяжелому советскому прошлому, от которого, собственно, и остались в воспоминаниях в основном загорелые лица хлеборобов и куда-то движущиеся комбайны – масштабы городского строительства и городская жизнь заслонили все.

В мире, созданном новостными агентствами, практически *не существует* индейских резерваций в Америке, индийского кастового общества, где сохраняются неприкасаемые, а треть населения не имеет собственного крова; никто не узнает, что в Конго в междоусобных стычках наряду с современной тяжелой артиллерией используются луки и копья; что после 25-летнего перерыва восстановлены дипломатические отношения между КНДР и Австралией (причиной разрыва был топорик, которым пользовался американский солдат, задержанный на границе с Южной Кореей в 1975 году. На топорике было написано «Made in *Austria*»!) и т. д. и т. п.

Но зато когда столицу нашей Родины посетила Синди Кроуфорд (вы знаете Синди Кроуфорд?), во всех выпусках новостей показали, как она кушает московское мороженое.

И, наконец, самыми важными принципами подачи материала являются сенсационность и связанная с ней актуальность информации: то есть новости из горячих точек и новости по горячим темам.

Горячие темы могут быть самыми различными, в том числе и высосанными из пальца. Яркий тому пример – истерика по поводу обедненного урана в 2001 году. Началось все с итальянской «Corriere della Sera» (газетенка вроде нашего «МК»), забеспокоившейся по поводу участвовавших заболеваний лейкемией среди итальянских НАТОвцев, участвовавших в миротворческой акции в Сербии. Уж не от обедненного ли урана они пострадали? Затем паника охватила испанские газеты, вслед за ними и американцы засуетились, журналисты добились международного резонанса и медицинских обследований солдат. Тема немного рассосалась, появились новые сенсации – коровье бешенство, ящур, а там и 11 сентября подоспело.

Недавно самым кратким образом обнародовали результаты обследований – ничего не подтвердилось, никакой обедненный уран ни на какую лейкемию не влиял. Наши агентства это даже не перевели. Кстати, и коровье бешенство никуда не делось – оно продолжает триумфальное шествие по Европе. Просто это уже *неактуально*. Сейчас для нас тема номер один – международный терроризм.

Или замечательная история про изнасилованную нигерийскую женщину, которую местный суд шариата приговорил к избиванию камнями (внебрачные половые связи осуждаются мусульманством, и изнасилование подпадает под это определение), а мировое сообщество отстояло несчастную, добилось апелляции, все закончилось апофеозом западного гуманизма. Без особого внимания остался тот факт, что через несколько часов после вынесения оправдательного приговора другой нигерийский суд шариата вынес аналогичное решение по аналогичному делу другой нигерийки – камнями теперь забьют ее.

СМИ *раскачивают* тему – и в ход идут новости-пустышки, лишь бы они имели отношение к актуальной теме. Так, в разгар истории с уфимскими детьми на всех лентах пачками появлялись новости вроде «Еще в 1990м году такой-то предупредил о ненадежности диспетчерской службы в Швейцарии».

И наоборот – значимые новости по приевшимся темам агентства игнорируют. Такой темой являются, к примеру, китайские шахтеры, которых за один прошлый год погибло в общей сложности около 7 тысяч человек. Примерно раз в неделю, а то и чаще, в Китае заваливает шахту, или в ней происходит взрыв, или другие причины приводят к гибели шахтеров – от десятка до сотни за один раз. С такой же монотонностью в Испанию лезут

нелегальные эмигранты из Марокко – до трехсот человек в день. Телезритель позевывает и отворачивается. Новость на ленту не попадает.

Умалчивание, коммерциализация, перестановка акцентов, негласные приоритеты, раскрутка горячих тем и другие способы подачи превращают информацию, доходящую до потребителя в продукт, имеющий мало общего с тем, что происходит *на самом деле*. Но потребителю не привыкать. Ведь краткий период истории, когда правду пытались отделить от вымысла, в целом можно считать завершенным.

Точно так же как раньше слушателей волновало не столько то, что *на самом деле* происходило в эпоху саг, гораздо важнее было умение сказителя, воспевающего бандитские подвиги их предков, и сколько было этих предков, и какие именно предки слушающего были замешаны в этом деле, так, скажем, и в гуманитарных науках последнего времени субъективный взгляд на изучаемый предмет, прячущийся за многозначительными словами «дискурс» и «новый историзм», окончательно освободил исследователей от мучительного вопроса, как же *на самом деле* обстоит дело.

Поскольку очевидно, что даже самый объективный взгляд все-таки исходит из чьих-то субъективных глаз, и абсолютной беспристрастности не добиться хотя бы потому, что каждый в конце концов изучает именно то, что ему интересно, а это уже само по себе нарушает отстраненность от предмета изучения, следует признать невозможность окончательно верного, полного и аутентичного суждения о чем бы то ни было.

Так историк восьмидесятых, в студенчестве участник событий 68го года, будет исследовать английский Ренессанс с точки зрения подрыва тогдашними авторами тюдоровско-стюартовской идеологии, а филолог-феминистка находит в эпоху Шекспира множество конгениальных ему писателей-женщин, о которых ничего не было известно именно в силу гендерной дискриминации в английском обществе того времени.

Более того: именно там и тогда, когда правда строго отделяется от вымысла, происходит любопытная ее трансформация в зависимости от идеологических целей, которым служит историческое прошлое и настоящее – в царской России правда обслуживает царизм (помните как доставалось Норманской теории от царедворца Ломоносова?), в большевистской – коммунизм, а в путинской – мочкизм в туалете.

И если такой костный общественный институт как гуманитарная наука умывает руки, когда дело касается объективной оценки, то остальная часть общества уже давно и живет по золотому принципу «Какая разница?» Правда не просто не важна – она не существует.

Любители и дилетанты всех мастей прекрасно занимаются наукой, философией, медициной. Популярные течения современной мысли – целительство, магия, астрология, хиромантия – не поражают воображение в той степени, в которой может поразить его открытие какого-нибудь доктора математических наук в области истории, или досужие исследования метаязыка талантливым физиком. Жизнерадостные теории, полностью опровергающие все до одного постулаты магистральной науки, причем их авторами зачастую оказываются маститые ученые других наук, являются подобно лучам света в темном царстве и множат последователей.

Среди рецептов спасения от тотального расширения сознания путем впихивания в него информации самого разнообразного уровня компетентности и ангажированности вариант «Какая разница?», думается, не является худшим. К нему присоединяется и великие историки школы «Анналов» Люсьен Февр, Марк Блок и Фернан Бродель, утверждающие, что событийная канва просто *не важна*, вся эта людская суета на Земле, знаете ли, не может служить предметом серьезных исследований. То ли дело «время природы», протяженное в тысячелетиях, определяющее менталитет. . .

Существует, конечно, и метод обратного фильтра, когда очередное событие вызывает только умудренную улыбку и понимающие кивки: мы-то знаем, что *они* все врут. Но и такой подход в условиях информационного вакуума вокруг определенных тем с одной

стороны и помоечной пестроты фактов с другой вряд ли оказывается оправданным. Своим умом можно додуматься слишком до многого. Паранойя вряд ли является методом поиска истины.

Да, действительно, каждый переносчик информации накладывает на нее свой отпечаток, каким бы нейтральным он ни притворялся, и более того, каким бы хорошим он ни был. Да, действительно, я никогда не буду постоянно слушать даже очень хорошую и близкую мне по духу радиостанцию, я не буду смотреть все время даже очень хороший телеканал, я не буду выписывать даже очень хорошую ежедневную газету, буде такая окажется издаваемой. Потому что они все равно будут навязывать мне в первую очередь **себя**, а не то, что они там излагают.

Но это не значит, что *«на самом деле»* не существует. Объективная реальность может залезть в квартиру и не из телевизора, и вот тут-то начинается самое интересное. Заевшегося обывателя, привыкшего воспринимать мир в виде информационной кашицы, заранее разжеванной, уже смоченной слюной и даже немного политой желудочным соком, следует пару раз просто лишить обеда, как это сделал папа юных солипсистов в «Кондуите и Швамбрании».

Вранье не становится искусством от того, что выглядит забавно. Его не оправдать ни коммерческим подходом, ни идеологической выдержанностью, ни даже тем, что объективной правды нет и все зависит от точки зрения.

Вранье остается враньем.

Статья С. Гурьеву понравилась – об этом я сужу со слов Марины Рагозиной. Он выразился в том духе, что статья очень точно попала в некую струю, и глаза второго создателя, Александра С. Волкова, загорелись, когда он прочитал первую же страницу.

Я остался доволен этой информацией. Статья понравилась самому С.Гурьеву, у Александра С. Волкова тоже вызвала одобрение, некоторые существенные для меня мысли появятся в печати, что может быть лучше! Но тут Марина Рагозина стала говорить странные вещи. Что статья не просто понравилась, а что нам с Дмитрием Ахтырским (мой и Марины Рагозиной товарищ) дадут некий карт-бланш в новом номере «КонтрКультуры», что вокруг моего материала выстроится еще масса других, и вообще, что Александр С. Волков хочет с нами встретиться и обсудить концепцию будущего издания.

Меня несколько ошарашило такое доверие. Создание концепций для именитого альманаха не входило в мои планы, я-то хотел скромной публикации. Но обрадовался возможности пообщаться, тем более, что у нас с Дмитрием Ахтырским примерно в это время вырел максималистский проект журнала «Прорыв». Звучал он громко, будто специально был создан для чтения вслух, и действительно неоднократно зачитывался на разнообразных мероприятиях – от сепаратной пьянки у С.Гурьева до «Квартирного фестиваля Маяковский», устроенного Дмитрием Ахтырским и Мариной Рагозиной у себя дома.

От редакции

Манифест

Прорыв листа бумаги письменной принадлежностью есть свидетельство беспокойства пишущего.

Куда прорывается пишущий?

К абсолютному самоутверждению. К абсолютной самоотдаче. К единственно возможной свободе.

Умеющий писать одновременно амбициозен, любвеобилен, вездесущ. Желаящий писать одновременно кроток, изумлен, вдохновенен.

Что может быть предметом описания прорывающего?

Мир ценностей в противоположении миру интересов.

Мир идеалов в противоположении миру принципов.

Противоположение предполагает границу. Ложные границы между дозволенным и недозволенным, между эротикой и порнографией, алкоголем и наркотиками, правами политзаключенных и правами милиции нас беспокоят в малой степени.

Еще менее нас волнует ложное деление, фиксирующее ложную зависимость от внешнего давления, как бы оно не понималось и не чувствовалось, будь то давление «бога», «государства», «общества», «культуры», «личных интересов», «подсознания», «животных потребностей», равно как и ложное деление, фиксирующее ложную зависимость от внешнего искусства, как бы он ни понимался и ни чувствовался, будь то желание денег, власти, обладания.

Только отождествление с собственным, реальным или желаемым положением в мире и рабство у этого положения отграничивает индивидуума от себя и от универсума. Границы могут пролегать только между избираемыми путями.

Что значит в данном концепте выбор? Не выбор одного из двух, меньшего зла из большего или выбор кандидата в.

Выбор есть помещение себя там, где находит тебя правда: творчество, любовь и свобода, ничем не детерминированные, никем не обусловленные.

Творческий акт как преодоление смерти не в пошлой памяти потомков и не в загробных заслугах, а как способ преображения вещного мира вообще. Как акт, спонтанно выражающий соединение в прорывающемся свободе и любви в одно целое. Как единственно возможная человеческая деятельность.

Любовь как путь к себе через постижение совершенства и полной самоотдачи ему. Только любовь помогает увидеть в гусенице бабочку, в груди камня статую, в олигофроне будду.

Свобода как нечто большее, нежели возможность оправдать свои мысли и действия, ибо оправдание есть всего лишь ложное переложение ответственности, ложная объективация несовершенства, перенесение собственной неполноценности на внешний мир, являющийся порождением оправдывающегося. Ибо нет внешнего и внутреннего мира, есть единственно подлинный духовный мир. «Художник прельстившийся внешним, никогда не сможет выразить внутреннее».

Свобода как нечто большее, нежели выискивание конкретных прав. Борьба за права – рабство у реальности, свобода же – борьба не между разрешенным и запрещенным, между нормой и ненормальностью (здесь уместна была бы цитата из Евангелия «мудрость мира сего безумие...»).

Двигателю новой свободы не могут быть топливом существующие ценности так называемого внешнего мира. Они неизбежно преходящи.

Здесь же основой деятельности является предельное долженствование, ничем не обусловленное, никем директивно не заданное, свободно избираемый долг, а долг может быть избран только свободно; здесь же основой деятельности является преобразование своей внутренней реальности, прорыв сквозь пласты внутренней обусловленности, отсутствие данности и цели, недостижимость и неисчерпаемость, но ясно направленный вектор, в движении по которому открывается нечто большее, чем только сияющая пустота.

Итак, планка была поднята так высоко, что никакой возможности воплотить такой проект журнала в жизнь не представлялось, а тут издатель уже готового издания с именованием предлагает себя фактически в качестве публикатора. Чистый восторг, недоумение и трепет.

Через некоторое время, уже в октябре, мы по предварительной договоренности встретились – Дмитрий Ахтырский, Марина Рагозина и я, – чтобы помчатся на работу к упомянутому соиздателю «КонтрКультуры» Александру С. Волкову, но выяснилось, что в этот день он не может с нами встретиться, приболел.

Тут Дмитрий Ахтырский сказал в своей экзальтированной манере: где же заигрывание с авторами?! Пусть тогда издатель и редактор приезжает туда и тогда, куда и когда мы ему сами назначим, если сейчас нас продинамит с поездкой на свою собственную работу, а не то мы вообще ничего писать не будем!

Кто тогда знал, что запланированная встреча все же состоится, но через год. Хотя некоторое общение и переписка продолжались.

Припоминаю, к примеру, празднование дня рождения альманаха «КонтрКультура» в клубе Б2 с выступлением группы «Народное ополчение», уже, по моему, в декабре или январе, когда Марина Рагозина советовала мне подойти к Александру С. Волкову и поговорить с ним все о том же. Да, журналистика вершится в кабаках, но мне все равно не захотелось обсуждать столь серьезные вещи в столь легкомысленной обстановке, тем более Александр С. Волков ни на секунду не оставался свободен. Зато лидер моей группы, Гога Солнцев, подсуетился и выпросил пару журнальчиков «КонтрКультура» №5 у С. Гурьева «для отправки в регионы».

Это был не первый случай из общения: уже в конце августа, узнав о моем плодотворном сотрудничестве с издателями «КонтрКультуры», Гога Солнцев предложил сделать в новый номер диск-вкладыш с музыкой нашей группы, подобно тому, как в №5 был вложен диск с музыкой А. Шульгина «Легенда русского рока DX-386». С. Гурьев сказал, что это возможно только при условии, что к музыке будет приложена очень крутая концепция, по меньшей мере конгениальная концепции А. Шульгина.

Так я написал для Гоги Солнцева, «Шумов России» и «КонтрКультуры» первую концепцию. Как же потом их было много!

ШУМЫ РОССИИ: МУЗЫКА ДЛЯ БОМЖЕЙ.

Поскольку в современном мире искусство является продуктом наряду с наукой, религией и философией, для каждой целевой группы потребителей существует свой музыкальный товар, что особенно хорошо видно по умильным FM радиоконцепциям («радио для настоящих мужчин», «для влюбленных», «для домохозяек», «для ментов», «для урлы»), не исключая, тем не менее, полной идентичности предлагаемого МузДональдса, когда в булке находится все то же самое, и вкус тот же, но котлета на этот раз не из молодого козла, а из молодого петуха, и называется поэтому чуть иначе.

Для тех, кто хочет питаться подороже, предоставляется товар нефастфудовый: кому классика, кому джаз-блюз, кому альтернативка, и сохраняются при этом еще диеты, питающиеся только свежим металлом или только выдержанным индастриэлом; однако товаром, жаждущем потребления, музыка от этого быть не перестает, просто потребители

более взыскательны и дешевка может не прокатить.

Единственным выходом для действительно *некоммерческой* музыки становится обращение к целевой группе, которая музыку *не покупает* по определению.

Только человек, выброшенный из социальной псевдодействительности, из классовых псевдоотношений, маргинал и бомж в исконном смысле этих слов, способен непосредственно чувствовать прямое эмоциональное воздействие, каковое определение музыки является для нас самым значимым.

Музыка как наивысшая форма психической жизни, как максимально эффективный инструмент, с помощью которого преобразуется не только индивидуум, но и мир, его окружающий – не может быть рассмотрена как предмет потребления ни для одного из классов современного общества.

Музыка проекта «Шумы России» адресована тем, кто находится за пределами понятий «найти свое место в современном мире» или «определенное место жительства».

Определив свое место жительства, определяешь, где будет находиться твоя могила.

Приятного прослушивания.

К этой концепции мы приложили демку, слепленную за четыре дня Гогой Солнцевым на моем компьютере из сэмплов и наших с ним голосов, а также голосов моей жены Татьяны Парфеновой и Анны Журко. Впоследствии она была представлена разнообразным издателям и работникам клубов, первым из которых стал тоже знакомец С. Гурьева и Марины Рагозиной, собиравшийся делать лейбл с этнической музыкой, и мы были кандидатами на сборник такой музыки, так что так или иначе именно деятелям «Контракультуры» мир обязан появлением этой демки. О судьбе лейбла и сборника не знаю, но мы туда не попали – это точно. Потом ее, правда, издали в Обнинске Сергей Крылатов и Вика Стасевич – они устраивали наш концерт в «ОК клубе» и к нему напечатали тиражик на своем самостоятельном (независимом) лейбле «Upteka Rec.» проекта «УРНО». До сих пор, наверное, у Сергея Крылатова лежит пара десятков экземпляров, он их даже нам собирався отдать в качестве части гонорара за последнее выступление, но мы, эту демку уже презираем – попсовая этника навсегда осталась в раннем периоде нашего творчества.

В гипотетический №6, буде я его бы издавал, можно было бы смело ее включить. Ее трек-лист:

Группа «Шумы России»
Демонстрационная запись
Август 2002 года

1. Track # 1 – 0.26
2. Track # 2 – 6.13
3. Track # 3 – 2.38
4. Track # 4 – 5.03
5. Track # 5 – 4.37
6. Track # 6 – 1.28
7. Track # 7 – 4.49
8. Track # 8 – 1.40

С. Гурьев похвалил концепцию и передал, что как концепция она прекрасна и может украшать собой абсолютно любую музыку, тогда как концептуален должен быть сам представленный материал. И чтобы текст, который к нему прилагается, был приложим только к нему. Это вдохновило меня на такой текст.

ШУМЫ РОССИИ: ТЕЗИСЫ

1. Определяющим для воздействия на слушателя является в проекте именно ШУМ (с особым вниманием к радиоволнам), а не тон, хотя тоновая музыка не теряет для нас актуальности и, подобно шуму, может быть использована как в качестве фрагмента записи, так и в живом исполнении, что не принципиально: ФОНОГРАММА равноправна здесь живому исполнению.

2. Поскольку разные ОТРЫВКИ из звуковых, текстовых, изобразительных произведений, как собственных, так и принадлежащих другим авторам, синтезируются в процессе творчества всякий раз по-новому, результаты такого синтеза в каждом случае могут быть только уникальны, а иногда и неожиданны, в связи с чем для нас не может быть приемлемо такое понятие, как РЕПЕРТУАР. Любое произведение может быть воспроизведено только один раз, и именно поэтому мы отказываемся от названий композиций. Поэтому же в данном случае бессмысленна так называемая РЕПЕТИЦИЯ, ибо она полностью совпадает по жанру с выступлением.

3. Идеологическому обоснованию в данном случае способствует, с одной стороны, отношение к творчеству как к АНОНИМНОМУ акту, ибо понятие авторства является вопросом денег, для нас не принципиальным, и вопросом амбиций, для нас несущественным, и с другой стороны, отношение к собственной деятельности, в частности, как к ПРОПАГАНДЕ творческих идей и непосредственно творчества других авторов не только в связи с процветающим культурным невежеством, но и просто для разделения с другими радости открытия новых граней искусства, ибо, преломленное нами, чужое творчество неизбежно трансформируется, а следовательно, в данном случае невозможно понятие ПЛАГИАТА, или, если угодно, оно является базовым.

Другим следствием анонимности как идеологии представляется использование в названии максимально абстрактного брэнда «Россия», без детализации имен участников проекта, число которых не может быть конечным.

4. Целью такого рода искусства, как, впрочем, и любого другого, является САМОПОЗНАНИЕ, как творящего, так и воспринимающего, и ВЗАИМНОСТЬ этого процесса, когда индивидуальное восприятие модифицирует творческий акт, обогащая его новыми смыслами, что в идеале ведет к преобразению индивидуума.

Вышесказанное, однако, не умаляет РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО значения нашей деятельности, и если она поможет всего лишь скрасить чей-либо досуг, пусть даже исключительно наш собственный, это представляется достаточным основанием считать ее небесполезной.

Поскольку ни об этих концепциях, ни о демке в связи с «КонтрКультурой» сказать больше совершенно нечего, вернемся к юбилею в «Б2», ибо на нем у Гоги Солнцева возникло желание затеять что-нибудь в противовес почтенным издателям: выступление группы «Народное Ополчение» и цены в баре полностью дискредитировали в его глазах и «КонтрКультуру», и ее представителей. На его взгляд, все это полностью устарело, ловить нечего.

Часть вторая. ПЕРВАЯ РАЗЛУКА.

Сначала мы подумали о бумажном издании, но это сразу показалось слишком сложно, и тогда родилась концепция сайта «Культура». Солнцев попросил меня ее овестивить. Что я и сделал.

**КУЛЬТУРА
ВОЙНА С ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ**

Преодоление мировоззренческих стереотипов своего времени, преодоление как естественной, так и исторической необходимости по-прежнему является важнейшей целью культуры, которая остается безусловным порождением и первого, и второго, и третьего.

Пользуясь естественными человеческими потребностями, пользуясь современной системой умственных клише, пользуясь современными социальными институтами, пользуясь современными технологиями, вытягивая из них все нужные для нее ресурсы, культура настаивает на собственной самооценности, упраздняя таким образом необходимость всего остального, и в конечном счете стремится уничтожить пробудившую ее цивилизацию с тем, чтобы родилась новая.

Квазикультура находится в той же понятийной и инструментальной системе, но функция у нее противоположная и вполне прикладная – это обслуживание данной цивилизации. Так нынешняя квазикультура обслуживает общество всемирного потребления с его маниакальной жаждой «старческого наслаждения существованием», и виды доступных культурных наслаждений множатся в удивительной прогрессии.

Именно это разнообразие для современной цивилизации фатально. Она не в силах уследить здесь даже за важнейшими тенденциями (а есть и маргинальные), не в силах проконтролировать все возможные варианты культурных ориентиров индивидуумов, каждый из которых сочетает их в себе в самых немислимых пропорциях, в результате чего неизбежна полная неразбериха во всем, что касается цивилизационных идеалов, и просто не остается того самого, что может сплотить кого бы то ни было в едином идеологическом порыве.

Каждый атом современного общества продолжает участвовать во всемирной подрывной деятельности самым фактом своего бытия, являясь тем самым творцом своей собственной индивидуальной войны с цивилизацией, творцом своей собственной индивидуальной культуры.

Никакое объединение здесь уже невозможно.

Дальше концепции и некоторых моих мыслей по поводу устройства сайта и его содержимого, которые я здесь не привожу, ибо они были построены целиком по законам каннабиоловой логики, дело не двинулось. Впоследствии и Александр С. Волков скажет, что его очень порадовала слышанная им от Марины Рагозиной наша затея издавать что-то в противовес «Контре».

Случилось так, однако, что как раз в это время мои и Дмитрия Ахтырского приятельницы Альбина Сурова и Надя Жогова надыбали денег издать свой интеллектуальный журнальчик с широким кругом поднимаемых проблем, и я естественным образом захотел в этом поучаствовать, тем более что прочитал еще раз «КонтрКультуру» №5 и поразился заикленности ее авторов на таком архаичном явлении как рок-музыка, причем обсуждаемом со страстностью, достойной перестроечных времен, откуда, собственно, они все родом и есть, с поражающими воображение обличениями попсы и по-

псовиков, а из этих последних наибольший огонь критики был направлен на своих собратьев рокеров и рок-журналистов, которые «продались». Все это неприятно меня задело, и я – по поводу «КонтрКультуры» и для «КонтрКультуры» – в жанре письма в редакцию написал следующий текст Впрочем, я был бы рад и изданию его в рамках Альбининого с Надей журнала.

Право на рокапопс.

Мама, мы все тяжело больны,
Мама, я знаю, мы все сошли с ума.

«Кино»

Словом, мы все больны гандболом.
Мы все больны гандболом
И за гандбол умрём.

«Сплин»

Не вызывает сомнений, что намеренная зашоренность определенного круга людей, увлеченных в том или ином смысле культурным феноменом, называемым «рок», не может быть поколеблена данным кратким трудом, который представляется самому автору и, боюсь, всем, кто не относится к указанному кругу, набором самоочевидных банальностей, отчего и излагается конспективно, в виде тезисов. Отсутствие адресата такой работы безусловно увеличивает ее экзистенциальную ценность.

1. Главным объектом испепеляющего презрения почтенных рокеров является некий двуликий (двухголовый) монстр, олицетворение массовой культуры, змей, хвостом заползающий в уши, а головой в глаза – или наоборот, как вам приятнее – юным обывателям. Сей зловещий тандем – «Наше Радио» – «MTV».

Если на него и не возлагается прямая ответственность за неуклонное опосение и ярковыраженное эпигонство современных рокеров по отношению к предшественникам (на захваченной им территории, в мозгах и душах подрастающего поколения, меченного разными буквами, от X до Й, не остается места ничему достойному, и достойное чахнет от недостатка денег и известности, не успев получить развитие), то во всяком случае наличие и популярность сего чудовища очень показательны, за коим рассуждением следует гесиодобразный эпос о Золотом Веке Русского Рока, когда еще небо не сходилось с Землей, а эта последняя была вся покрыта асфальтом.

Все это довольно странно.

2. Неужели возможно действительно серьезно полагать, что массовому вкусу навязываются примитивные исполнители, а не наоборот, потребитель нынче сам навязывает умникам свой уровень?

Общеизвестно, чем закончилась еще в тридцатых годах XIX века литературная полемика, когда Пушкин со страниц «Литературной газеты» призывал воспитывать читателя, а не идти у него на поводу, за что был вместе со своим окружением прозван издателем «Северной пчелы» Булгариным «литературными аристократами». А закончилась она полным разорением и «Литературной газеты», и другого детища Пушкина – «Современника». От долгов их издателя спасла только смерть, тогда как и тираж «Северной пчелы» был на порядок выше, и коммерческая выгодность несопоставима.

А все потому, что Пушкин не любил капитализм и не желал вникать в тонкости рыночных отношений. Современные генеральные продюсеры, конечно, не такие лопухи, как наше всё. Они-то знают, как угодить зрителю-слушателю.

С неприятной очевидностью здесь возникает и тот факт, что если бы гипотетический сегодняшний Пушкин стал подтягивать слушателя-зрителя до своего элитарного музыкального уровня, он никогда ни о каком роке ему бы не рассказывал. Это слово употреблялось бы им только с глаголами прошедшего времени.

3. Известно, что актуальное музыкальное течение, как и любое актуальное течение искусства не может быть актуальным всегда. При всем том, что искусству не свойственен прогресс, его живые возможности всегда ограничены рамками определенного времени и определенного пространства. Бессмысленно спорить, что гениальнее, «Илиада» или «Эдда», написанная на две тысячи лет позже, они несопоставимы. Однако еще более странно представить себе, что во времена «Эдды» могла бы быть создана новая «Илиада».

Свидетельством смерти жанра является пародия. «Война мышей и лягушек» создана позже «Илиады». Можно было бы написать новую серьезную «Илиаду», даже и до сих пор можно, только почему-то никому это не интересно. Никто не берется.

4. Так и с музыкой. Ни один музыкальный критик не требует почему-то появления новых Бахов и Моцартов, полагая, наверное, что подобное творчество может быть только эпигонским, пародийным, скажем мягче, традиционалистским. Удивительно, что кому-то все же требуются новые Майки, Башлачевы и Егоры Летовы. Ведь вполне достаточно того, что с мышами и лягушками дело обстоит превосходно, есть и «Чижико», и «Сплин», и «Ленинград», и, не побоюсь этого слова, «Корольшут».

5. Глупо надеяться сейчас на возрождение рок-культуры в ностальгическом восьмидесятилетнем варианте, ибо любое такое возрождение неизбежно будет эпигонством, и проблема формата стоит совершенно в стороне от этого, ибо является всего лишь проблемой коммерции, моды и доступности. Само эмоциональное восприятие злосчастного формата сродни попытке объяснить продавцу музыкального ларька, что в его ассортименте много музыки дурного вкуса, а нужно продавать совсем другое, и сначала, может, никто покупать и не будет, да и потом тоже вряд ли, но зато какие наименования можно поставить!

Эпигонство определяется не форматом, ибо огромная и не худшая часть нашего замечательного рок-наследия ложится в него вполне аккуратно, а причинами куда более прозаическими – оно утратило свою актуальность как живой творческий процесс.

6. В известном смысле эпигонами являлись и они – отечественные рок-музыканты далеких лет. Чьими, кстати, последователями они были? Группы «Beatles», весьма популярной у современников, группы «Doors», история образования которой завершается сакраментальной фразой «создадим группу и заработаем миллион долларов» («и они-таки заработали даже больше!» – эффектно напоминает восторженный биограф в конце книги, между смертью лидера и дискографией), коммерчески успешного ансамбля «Led Zeppelin» с гонорарами до 90% кассы концертов с полумиллионом зрителей. А еще они имели приличный доход от продажи пластинок, и продавались их пластинки очень, очень хорошо.

Они бы очень удивились, если бы узнали, что кто-то может назвать их музыку непопулярной, то есть непопулярной. И популярность их определялась отнюдь не высокой художественностью, потому что популярность определяется не высокой художественностью, а доступностью и модой.

7. Действительно, данное музыкальное течение совпало по времени и социальной обстановке с изменениями в обществе и особым образом стало их идеологией и знаменем.

Причем именно так и было воспринято нашими эпигонами, преобразовавшими взаимодействие в оригинальное и интересное течение искусства с акцентом на социальности.

Но это не значит, что данное искусство обязано быть флагманом определенных социальных и идейных изменений во всем обществе, просто так случилось на данном этапе развития технического прогресса, давшего толчок определенным изменениям в искусстве.

Которые привели, в частности, к тому, что музыка из области влияния на психику, на подсознание, перешла в разряд искусств сугубо осознанных. Вплоть до формирования нового сексуального поведения и мировоззренческих стереотипов. Именно из тех времен и мест родом отношение к музыке как к образу жизни и проч.

8. Провозвестником революций были и поэзия, и проза, и изобразительное искусство. И именно почему-то в те моменты, когда переживали наивысший свой подъем, когда были настолько актуальны, что становились движущей силой едва ли не равновеликой трем причинам и одному поводу к разрешению революционной ситуации.

Нетрудно установить, что, скажем, поэзия, увы, на данный момент безнадежно пошва и опошлена, но горевать о том, что сейчас самым популярным хобби среди девочек-старшекласниц является сочинение стихов, вряд ли следует. Ну да, такое вот хобби.

9. Между прочим, у нас проводником и спутником сексуальной революции стал не рок, а галимая попса. Кто как не группа «Мираж» впервые сделала достоянием масс женскую чувственность, а группа «Ласковый май» – подростковую любовь посильнее, чем в совковых «Ста днях после детства». Какое культурно-историческое изменение сопровождается текстом группы «Руки вверх» «И целуй меня везде, я ведь взрослая уже»? А зрители, трахающиеся прямо на сцене, где выступает группа «Тату»? Чем не Вудсток? Вполне возможно, что никто никогда не трахался под выступление группы «Тату», но так писали газеты, и это даже важнее.

10. Русский ракенрол не воспел светлое чувство половой любви, если, конечно, не принимать за провозвестников сексуальной революции скабрёзно-сатирических «Мочалок» с «Козлодоевыми». Перед ним стояли совсем другие задачи. Революционного характера. Потому что он, как всякая истинная культура, противостоял социуму, в лоне которого зародился.

Однако ему не суждено было стать провозвестником и рупором изменений, произошедших в результате. Может, оно и к лучшему, ибо изменения эти вряд ли можно в целом оценить положительно. И, хотя авторам казалось, что они ставят «опыты» и набрасывают «эскизы» (интервью Башлачева Юхананову), на самом-то деле именно культурное явление, называемое «рок» уничтожило социальное явление, называемое «советская молодежь», да до того основательно, что даже не верится уже сейчас, что такая действительно существовала. А она существовала.

11. И снова к истокам: на Западе рок разве так и остался тем же остросоциальным властителем половых дум поколения и тому подобное? Да ни в коем случае.

Само слово «рок» уже давно не упоминается в определении музыкального жанра. Есть только точно такая же профанация в лице представителей тяжелой (альтернативной) ротации поп-музыки.

Бессмысленно гальванизировать дедушку и ожидать, что он будет все тем же удалым ёбарем, что и тридцать лет назад. Не будет.

Неизбежно и эпигонство, и стилизации, и даже всплески подлинного искусства (Назовем со слезами на глазах «Нирвану» у них, а у нас пусть это будет последний оплот в лице, скажем, «Соломенных Енотов», пусть). Сюда же можно отнести примеры творческого долгожительства, когда бодрые стариканы («Rolling Stones», «Аквариум») безусловно выигрывают на фоне усидчивых подражателей. Сюда же можно отнести и деятелей довольно старой закалки, несущих ровно ту же хуйню, что и новая форматная поросль (Ревякин, Умка). Не характерно ли, что Летов столь вызывающе бесплоден за последние десять лет?

12. Если музыка и послужит когда-нибудь спутником каких-нибудь социальных изме-

нений, духовных ли, сексуального ли поведения, да чего угодно, то это уж точно будет не рок-музыка, а скорее всего, и не музыка вовсе. Лично мне в этой роли очень симпатичны компьютерные игры.

13. Что касается поисков чего-то нового и живого именно в творчестве, чистом искусстве, так сказать, а не сопутствующем образе жизни и мировоззренческих переломах, то такие поиски тоже следует осуществлять не в этом жанре. Отныне его удел – трибьюты, компиляции, римейки. Все – в формате.

P.S. Лично я добавил бы в банду оболванивателей поколения еще журнал «Афиша» – он тоже, злодей, исповедует неправильный образ жизни. Только его вместе с «MTV» и «Нашим радио» почему-то обычно не ругают. Интересно почему.

Как ни грустно, но и Альбинин с Надей журнал ждала незавидная участь и «Прорыва», и интернет-проекта «Культура». Он так никогда и не вышел – с деньгами и издателями возникли какие-то трудности. Еще я написал туда рецензию на три последние книги Лимонова.

Герой и его писатель

Эдуард Лимонов

«Книга мертвых», СПб: Лимбус Пресс, 2000

«Книга воды», М: AdMarginem 2001

«В плену у мертвецов», М: УльтраКультура 2002

22 февраля 2003 года писателю Эдуарду Лимонову исполнилось 60 лет. Мы сердечно поздравляем его с юбилеем и желаем сохранять творческую активность на протяжении еще долгих лет, куда бы ни забросил он своего героя в поисках «нового и неизведанного».

Благо только за последние три года писатель издал книгу публицистики «Моя политическая биография», книгу биографических очерков «Священные монстры», а также три объемистых художественных произведения, о которых и пойдет здесь речь.

Если замысел «Книги мертвых» и «Книги воды» родился еще до заключения героя в тюрьму, то «Книга воды» и «В плену у мертвецов» написаны писателем уже в тюрьме.

«Книга воды» объединяется с «Книгой мертвых» композиционно – повествование структурирует внешний формальный признак. По большому счету, не слишком важно, что именно берется в качестве этого признака, важно, чтобы автор выдал его за крайне существенный, в своем роде символический и проч. В первом случае такой основой для повествования являются ныне усопшие, встреченные героем в жизни, во втором – просто все воспоминания, связанные с водой, классифицируемые по восьми вполне произвольным категориям, первая из которых «Моря», а последняя – «Ураган». Подобное построение вообще крайне выгодно для исповедальной литературы, выгодно тем, что с одними и теми же сюжетами можно написать массу книг, бесконечно меняя угол зрения в соответствии с каждой новой классификацией, ср. повести другого писателя-эмигранта, Сергея Довлатова, которому в этом году исполнилось бы 62 года, «Наши», «Чемодан», «Ремесло», «Компромисс».

Благо в нашем случае герой действительно сильно старался, поставляя сюжеты писателю («Я всегда экспериментировал и храбрился», «Я был намеренно грязен, голоден и пьян. Я принял решение стать бродягой, жить на мерзлых улицах Нью-Йорка и посмотреть, что произойдет», «считал подобный опыт абсолютно необходимым в моей жизни» и т.д.), так что в «Книге воды» с «Книгой мертвых» сюжетных пересечений совсем немного,

и писателем они строго оговариваются, так же как и пересечения с другими произведениями.

Герой Лимонова – сверхчеловек и ничто сверхчеловеческое ему не чуждо. «Все мои книги – моя биография: серия ЖЗЛ», «я делал то, на что другие не осмеливались», «во мне заложены сверхчеловеческие стандарты, потому я безжалостен к тем, кто не достиг, не дошел» – просто пишет он. «У неё [Елены] не получилось необыкновенной судьбы» – вот достаточная причина для отказа в престижном месте героя. Потому что требованиям к герою отвечает только один человек.

Вот он, во всей красе: «Справедливо будет каждый раз делать поправку на время и на Лимонова, председателя Национал-большевистской партии, человека, «бункер» которого взрывали, человека, у которого люди сидят в тюрьмах, в «Крестах» и «Бутырках», умирают в бункере, убивают. Что такому Лимонову раскрашенная старушка [Лиля Брик], увиденная им в юности? Этот человек провез как-то оружие через всю Боснию-Герцеговину, через сотни шлагбаумов и застав, и на обычный первый же вопрос многонациональных солдат: «Оружие везете?» бодро отвечал: «Нет», и знал, что да, лежит в сумке, в багажнике. Его бы неизбежно поставили к ближайшей скале и шлёпнули, если бы нашли. А он вез. Двое суток ехал. И что такому человеку, с такими нервами, культура и ее мифы. И ее легенды.» И это правда. Как и все, что он пишет. Художественный вымысел и вранье не имеют для Лимонова-писателя существенных отличий (сам он пишет мягче: «условные книги оставляют меня равнодушным»), и более того, «характер моего таланта таков, что я не могу соврать, не могу твердить, что покойный был по всех отношениях положительным человеком», то есть автор не просто излагает как происходили великие события НА САМОМ ДЕЛЕ, но и дает им и их участникам предельно справедливую оценку, а это уже действительно История с большой буквы.

Реакция читателя предопределена: везет же тем, кто попал на страницы Лимонова – читай в Вечность, а уж если правдоруб еще и похвалил, тут сердце уже просто замирает восторженно. И писатель добр к малым сим: «с ними я проводил большую часть своих трудов и дней, справедливым будет дать некое подобие литературного бессмертия и им. У знаменитых мертвых оно и так есть».

Но и писатель в Лимонове не простой писатель, он, конечно, тоже герой.

Творить надо, когда извергается вулкан жизни, когда с фланга бьет пулемет.

3 октября у Останкина я отполз под огнем пулеметов отряда «Витязь» (Чтоб их всех в Чечне, сук, перебили! Тех, кто нас убивал.) и залег у гранитной облицовки клумбы. Спустя какое-то время меня нашел там мой юный товарищ Тарас, он был потрясен тем, что я писал, писал! в желтом, с ладонь величиной французском блокноте, писал, записывал время 18.31 и про трассирующие пулеметные очереди над головой. Вот когда и где надо писать! Вот он, инстинкт писателя. А не в поместье раздувать в трагедию тот факт, что пролетела ворона или сын не допил молоко. . .

Да, Лимонов – один из последних ошметков действительно серьезной литературы, с подписями под каждым словом и жизненной правдой во всех дырах, настоящий анахронизм в царстве постмодернистского пиздежа, экспериментатор над собой, честный в своей безнравственности среди политкорректных извращенцев и доходящий в ней до полного предела – дальше ехать некуда.

Одно последнее амплуа чего стоит: настоящий вождь настоящей фашистской партии (заодно – так и быть – с собой в историю взяты все, кто в этом участвовал, по обыкновению, без лестных характеристик). Таков он в «Книге воды» и «Книге мертвых» – уверенный лидер, проповедующий настоящие «мужские ценности», где номером один обычно идет все бабы суки, а номером два настоящий мужик должен (список). Первый случай

он оговаривает в «Книге воды»: строение предложения «я познал тьму женщин» подразумевает «познание» в значении, придаваемом этому слову всей ханжеской литературой, то бишь «отъебал» всего лишь, до непереносного значения здесь далеко.

У счастливого героя кодекс чести скорее племенного быка, или даже скорее породистого кобеля, которому, сколь бы он ни был породист, нужна не только сука, но и стая. В такие моменты нам, читателям-обывателям, такой герой, мягко говоря, не симпатичен, хотя представлен прекрасно, чувства вызывает только сильные. Он презирает «всех, кто не въезжал с автоматом в город на БТРе», к предателям относится и того хуже, до того плохо, что становится любопытно: неужели писатель ни разу не заставил своего героя совершить предательство для хорошего сюжета?

Уверенный в себе, он начинает вспоминать такие подробности, как (в «Книге Мертвых») обещанный, но не подаренный Лилей Брик браслет, перепроданный Игорем Холиным свитер – немного мелочно для гения, поставившего себе сверхчеловеческие стандарты.

Но как у всякого большого писателя, наивысшего взлета достигает его перо, когда герой страдает. Пусть даже не всегда его вынуждают к этому обстоятельства, скорее излишнее своеволие в изготовлении собственной судьбы. И когда судьба и своеволие, взявшись за героя вместе, заводят его в настоящую жопу, писателю удаются его лучшие вещи. Таковы, кстати, и первое, и последнее к настоящему моменту его произведения. Потому что в «В плену у мертвецов» – не досужие, по особому признаку выстроенные воспоминания «знаменитого писателя, мятежника и trouble-maker», а преодоление переживаемого здесь и сейчас, преодоление постоянной фиксацией, благотворной рефлексией, необходимой для сохранения того, что называется ощущением собственной правоты, без которого не годится быть человеку, зашедшему так далеко.

Здесь самоповторы и отчаянная резкость не признаки заблудившегося в прошлом свое нравного ума, а напряженная настоящая его работа, результатом которой станет вполне конкретный срок отсидки, назначенный судом, вполне конкретная жизнь и смерть данного конкретного человека – Савенко (Лимонова) Э. В.

Ну а мы, благодарные читатели, со своей стороны еще раз пожелаем ему творческого долголетия, а его герою – опускалова, безвредного или почти безвредного для здоровья. Ведь нам, обывателям, так интересно об этом ПОЧИТАТЬ.

Март 2003

Впоследствии этот текст тоже удостоится пробежания глазами издателем «КонтрКультуры» Александром С. Волковым. При следующих обстоятельствах.

Часть третья. НОВЫЕ СВИДАНЬЯ.

Уже летом 2003 года я случайно узнал у Марины Рагозиной, что если шестой номер и выйдет, то, во всяком случае, не со статьей «Информация массового потребления». Земля пухом. А в сентябре Александр С. Волков снова договорился о встрече с нами.

Мы встретились – в том самом составе, что собирались встретиться и год назад. Выяснилось, что «КонтрКультура» – это не обычный альманах, в нее нельзя написать статью, отдать и все. Нет. Нужно жить им, быть не просто автором, но создателем, вместе с Александром С. Волковым, придумывать неожиданные интервью и материалы, приводить новых людей, быть редакторами. И то, что мы хотели делать что-то в противовес ей – особенно хорошо. Даже нужно писать в противовес «КонтрКультуре» – это и будет тогда она самая. «КонтрКультура» потому отличается от обычной

журналистики, что она глобальна, можно писать по частному поводу, но делать выводы о современности, при этом темы, на которые обращал наше внимание Александр С. Волков, оказывались скорее в области рок-музыки: о питерском роке как продолжении питерских литературных традиций, о Майке Науменко как музыканте, сделавшем рок-музыку из достояния элиты музыкой дворов и т.д. Нам как начинающим редакторам нужно было ответить для себя на вопрос «Для какого читателя мы издаем КонтрКультуру?». Не больше не меньше. Я сказал, что не смогу вести организационную работу, приводить новых людей и брать интервью, но пишу тексты и могу быть редактором. Что до глобальности, ее как раз хоть отбавляй. Договорились на том, что я пришлю некоторые свои тексты. Тут я мельком упомянул, что мы что-то пытались писать уже, но Александр С. Волков отмахнулся только – это совсем не то. Земля пухом.

Я послал ему и «Прорыв», и «Культура: борьба с цивилизацией», и «Право на рока-попс» (должна же статья была попасть по адресу), и статью о Лимонове (частное – глобальное), и концепций «Шумов России» побольше (их с тех пор поднакопилось). Вот такие, к примеру.

ШУМЫ РОССИИ: МЯСИСТЫЕ ДЕНЬГИ

Поскольку сейчас время давления сменилось временем соблазна, то есть общественная установка на сопротивление государственной машине сменилась установкой на приобретение материальных благ, в каком бы смысле это приобретение ни понималось, возникает опасная иллюзия, подпитываемая не только пресловутыми СМИ, но и всей общественной практикой, что «возможно все», «существует конечная цель человеческого существования, и находится она в материальном мире в области достижимых благ», «нет идеала кроме сугубо материального» и т.д. и т.п., иллюзия, впрочем, иллюзия, впрочем, вполне в духе эпохи, которую смело можно назвать нищепанской именно в силу этого увлечения животным наслаждением существованием.

Достижение этого осязаемого материально наслаждения – и есть общий настрой нынешнего времени, выражаемый идеалами тоже сугубо материальными, причем даже совсем не обязательно доступными данному перцепиенту когда бы то ни было: пенсионер кормится светской хроникой, бомж планирует в ближайшем будущем серьезно «подняться», ребенок – попасть в страну рекламы и проч.

В данном случае именно протестантские буржуазные ценности настойчиво внедряются в сознание своими привычными иллюзорными приоритетами: это, в первую очередь, ДЕНЬГИ.

Каждый свободный гражданин может заработать их столько, сколько способен, и это его право. Оно осуществляется, как правило, с помощью невмешательства в чужие дела, с помощью политкорректности и, в конечном счете, полной отстраненности членов общества друг от друга, которая достигает своего апофеоза в навязывании здорового образа жизни, неразрывно связанного с ГИГИЕНОЙ, где каждый здоровый и чистый член общества не мешает другим своим запахом и проблемами. Если интересы такого общества страдают, государство готово объединить его в защиту своих, государственных интересов, для исполнения которых необходима ВОЙНА с разнообразными угрозами этим интересам.

И эти ЦЕННОСТИ современного мира не могут не быть рассмотрены в самом бесстыжем виде. ДЕНЬГИ как желание, плотское устремление, сходное с жадной, голодом, половым голодом, вьевшееся вместе с разумом и языковым запасом, ГИГИЕНА как способ отчуждения и ВОЙНА как апофеоз обывательского образа жизни, ведь известно, что именно обыватель является главным носителем тоталитарного образа мышления. Фашизм

ма.

ШУМЫ РОССИИ: Владимир Бурич. 70 лет со дня рождения.

Подобно тому, как художник-оформитель работает над книгами, авторы которых отделены от него во времени и пространстве, данный проект является музыкальной иллюстрацией поэзии Владимира Бурича, поэта, семидесятилетие со дня рождения которого отмечалось в этом году.

Художник неизбежно навязывает свое представление о тексте, который живописует, и зачастую вызывает отторжение взыскательного читателя, не согласного ни с данным конкретным визуальным выражением привычного образа, ни с возможностью такого выражения вообще, ибо достоверность идеального не может быть адекватно перенесена из чувственной области в зрительную и наоборот.

Этическая демагогия и вовсе взывает к неприкосновенной памяти Автора, который, будучи отделен от пересмешника пластами лет и культур, не в силах помешать грубому овеществлению своего внутреннего мира, выраженного с предельной точностью, и не нуждающегося в адаптации и пересказе.

Однако каждое новое поколение, каждая чужеродная культура продолжает упорный поиск СВОЕГО понимания и вечных мотивов искусства, и творений данного автора, равно как и каждый новый читатель заново иллюстрирует для себя его картину мира, бесконечно далекую от «истинного», авторского понимания.

Но как бы ни преображалась от нашего восприятия осваиваемая нами художественная реальность, сколько бы нового, неведомого автору, в нее ни добавилось, мы-то знаем, что он имел в виду И ЭТО ТОЖЕ, потому что только наличие читателя, зрителя, слушателя вызывает произведение к жизни, и только способность произведения меняться в восприятии, сохраняя единый стержень человечности, обеспечивает его долголетие.

Именно поэтому должны возникать и возникают самые разнообразные интерпретации великих творений, тем более многочисленные и маргинальные, чем мощнее творческий источник, их питающий. Потому-то мы и решаемся на собственное оформление стихов Владимира Бурича, что считаем его поэзию выше условностей традиционалистского подхода к чтению, равно как и выше навязанного искусству извне понятия копирайта.

ШУМЫ РОССИИ: Невидимость и труд.

Любопытная особенность любой трудовой деятельности – ее монотонность. Даже если работа заключается только в посещении ресторанов с целью дегустации блюд, однообразие любого такого процесса вгоняет в транс почище семинара по изучению психологии и НЛП.

Что же говорить о случаях абсолютных, таких, как станочник или шахтер – человек сливается с орудием труда, становится его продолжением, одной из его деталей, сложной и многофункциональной, но все же деталью, которая может сломаться, быть починена, заменена или отправлена в утиль.

Ученый-ядерщик – приложение к бомбе, художник – приложение к кисточке, фотограф – к фотоаппарату, список продолжается в соответствии с реестром профессий – приложением к Кодексу законов о труде. Личность труженика растворяется в выполняемой трудовой функции и исчезает.

Такова же и работа артиста, музыканта во время выступления. Личность его становится поистине невидима, заслоненная образом, который он создал, и остается только этот самый образ, маска, голем, за которым прячется ничто, невидимка.

Стоит призадуматься, где, собственно, находится сам человек в те часы, которые его тело функционирует на работе, и становится ясно, что сменяя сон работой, в промежутках между которыми – утреннее ополаскивание и вечерний анабиоз перед телевойнами, мы проделали большой путь в сторону собственного несуществования и невидимости.

Через некоторое время мы с Мариной Рагозиной дошли и до работы Александра С. Волкова – как хотели год назад, продолжить приятное обсуждение наших планов. Уже предварительные ее слова о том, что Александр С. Волков сообщил ей о своей готовности подписаться примерно под половиной текстов, а другая половина вызывает у него отторжение, смутно беспокоили меня: совершенно непонятно, почему редактор издания должен принимать тексты авторов так близко к сердцу. Мне казалось, что он должен следить за «Уровнем! И драйвом!» всего лишь. Это была ошибка. Из беседы я вынес ощущение, что побывал на семинаре по работе с молодыми авторами.

Для начала Александр С. Волков посоветовал мне писать проще. В слишком длинных периодах чувствуется определенное глумление над читателем путем затемнения смысла (первый абзац «Права на рокапопс»), и привел мне пример такого стиля – С. Жарикова, много печатающегося в «КонтрКультуре». Ясная мысль должна рождать ясный язык. Парадоксальность такого совета меня удивила, но я ответил, что имел опыт общения с человеком, который брал меня на «слабо», то есть я должен был ни с того ни с сего делать наоборот, чем я думаю – это был Гога Солнцев, он очень иногда удивлял меня темами концепций, – так что здесь я тоже готов переступить через свои игры со стилем и писать проще.

Последующий разбор некоторых деталей текстов заставил меня еще более недоумевать. Риторические вопросы, появляющиеся в тексте «Права на рокапопс», по мнению Александра С. Волкова, следовало бы развернуть, обсудить или хотя бы дать на них прямые ответы! То есть, буквально, «Какое культурно-историческое изменение сопровождается текстом группы «Руки вверх» «И целуй меня везде, я ведь взрослая уже»? – нужно вслух подумать над тем, какое. Или еще пример: «музыкальное течение совпало по времени и социальной обстановке с изменениями в обществе и особым образом стало их идеологией и знаменем.» Что это за особый образ? Или: «журнал «Афиша» – он тоже, злодей, исповедует неправильный образ жизни. Только его вместе с «MTV» и «Нашим радио» почему-то обычно не ругают. Интересно почему.» Вот можно поразмыслить, почему же его не ругают. Вообще Александру С. Волкову уже давно хотелось достать скелеты из шкафов глянцевого издания и их в «Контре» выставить на обозрение, как поступили в предыдущей «Контре» с «Нашим радио».

Еще любопытнее мне показалась некоторая придирчивость к терминам. В тексте проекта «Культура» термины «культура» и «квазикультура» он посоветовал заменить соответственно на «искусство» и «субкультура», чем вверх меня в немалый ступор.

О таких мелочах, как концепции «Шумов», «Прорыва» и рецензии на Лимонова Александр С. Волков предпочел вовсе не говорить – ты же понимаешь, это написано «по поводу», нас такое не интересует.

Зато я изрядно раззадорился к концу беседы. Мы снова много говорили о глобальном, скатываясь к рок-темам, и договорились, что, поскольку Александр С. Волков не знает моей творческой лаборатории, я просто уже на следующей неделе начну присылать ему

отрывки на тему «Я и современность», не обязательно законченные, такое «мясо», из которого мы впоследствии сможем выделить темы, интересные для «Контры» и требующие более широкого распространения.

Часть четвертая. ПАЧКА ПИСЕМ.

From: «Tanya Parfenova»
To: «Alexandr S. Volkov»
Sent: Friday, November 14, 2003 3:51 PM
Subject: мясо

- > Привет,
- > приношу все возможные виды извинений за долгое молчание. Совпало так, что я
- > последовательно лишился интернета, компьютера и времени, а сейчас все это
- > обратно появилось, но оправдания мне все равно нет, тем более, что Марина
- > передавала от тебя настоятельные приветствия.
- >
- > С этого момента начинаю высылать разнообразное мясо, которое будет нуждаться
- > в дальнейшей доработке, развитии тезисов, изменении стилистики,
- > терминологии, композиции и идеологической направленности.
- >
- > Первое - панегирик топ-журналистике.
- >
- > Д. Рылов.

ЛУЧШИЕ МОЗГИ

Масс-медиа на страже реальности

Искусство рукописных книг умерло с появлением печати. Стенография умерла с появлением магнитофона. Чудо-умельцы советской страны могли спаять на коленке фленжер, который звучал, как фирменный. Вопрос: почему сейчас *никто* не паяет фленжеры на коленке? Правильный ответ: *никому* это на хуй не нужно. С появлением клубов прошло время квартирных концертов. Время самиздата прошло с появлением глянцевого журналистики: она гораздо эффективнее внедряет в массовое сознание *передовые* идеи, ибо в изнурительной борьбе между формой и содержанием полностью победила упаковка.

Под упаковкой подразумевается не просто красивая форма. Функция упаковки – услаждение потребителя, и красивой бабушки на кефире или красивого глянца на журнале здесь мало. Читатель должен чувствовать, что его искренне хотят развлечь, доставить ему *полезное* удовольствие и готовы на все, чтобы ему было приятно. В ход идет и интрига, и легкость изложения, и остроумие, и панибратство, и заглядывание в интимные уголки души, и заглядывание в интимные уголки тела, и показывание голых баб. Основная творческая проблема – как голые бабы могут быть связаны с данной темой. Если мы рассказываем о кефире – голая баба пьет его и худеет, если о машине – голая баба ее моет/водит/сидит на крыше/лежит под/..., если о лампе – голая баба засовывает ее в жопу.

И читатель выполняет свою приятную обязанность: он-таки читает текст. Что является примером органичного взаимодействия предмета потребления и потребителя, которое называется *культурой потребления*. В ходе технического прогресса, убившего искусство рукописных книг, но давшего искусство книгопечатанья, наряду с которым можно упомянуть другие технически оснащенные искусства (вопрос: какие? Правильный ответ: да

ракенролл, ёптыть!), мы с большим трудом дошли, наконец до той стадии, когда потребление стало как важнейшим социальным актом, так и важнейшим способом познания себя и мира. Потому что в мире непрекращающегося информационного ливня самоидентификация может быть связана только с установлением собственных приоритетов, собственной системы координат, в конечном счете собственной знаковой системы, каковой может являться ныне только система товарных знаков (это ж Пелевина пересказывают, прости господи, гений современности!).

И все бы хорошо, но кроме читателя-потребителя и текста-конфетки есть еще автор. Он-то пока от полового акта между этими двумя ничего не имеет, кроме денег, которые не в счет. И он не может, не хочет и не должен удерживаться от желания засунуть в конфетку пружину, которая распрямится в желудке. Под видом идеологического мейнстрима прячется то, что Рушков называет медиавирусами, когда *нужно* прятать то, что *на самом деле* имеешь в виду – тогда-то оно и сработает, а если прямо это говорить – ну кто этому поверит, не маленькие.

Умный автор понимает, что лучший способ напитать идеями неокрепший домохозяйский мозг – заложить информацию подспудно, в качестве *полезного* удовольствия познания, познания того, что же именно сейчас в моде, ведь излагаемое в глянце непременно модно, его нужно знать, чтобы ориентироваться в теме, иначе может получиться неловкость – прилюдно испытаешь удивление или вовсе окажется, что ты не знаешь того, что модно!

А ведь одним из основных девизов постмодернистского сознания является «конец истории уже был, всё и всем давно известно, особенно самые свежие новости, поэтому удивляться нечему», следовательно, можно с легкой улыбкой говорить о расчлененке, нацистах, содомитах, сатанистах, (далее список из текста О. Пшеничного КонтрКульт'ура №5 «НА ХУЙ ИДУТ» плюс всё, вошедшее в моду с тех пор).

Кстати о деньгах (три абзаца назад). Иллюзия отличия глянцевого журналистики и самиздата в том, что первое связано с большими деньгами, второе нет. То есть первое прибыльно, жиреет с рекламы, идеологически является потребительским мейнстримом, журналисты роскошествуют в VIP-кабаках. Второе стоит себестоимость, деньги свои, идеологически независимо, журналисты работают дворниками и сторожами.

На самом деле существенных отличий между ними нет. О том, что большинство и бывших и настоящих самиздатовских журналистов являются работниками крупных масс-медиа, можно даже не упоминать, см. фото в КонтрКульт'уре № 4 «редакция образца 1989-91: кто есть кто ныне». То, что средства в глянцевые издания идут не за счет, упаси бог, прибыли, а за счет дорогих спонсоров-рекламодателей, тоже более менее понятно. А вот о том, что камнем преткновения остается концепция издания, за которой следят зарубежные хозяева, знают только те, кому плакались в жилетку глянцевые журналисты. Однако ведь и для самиздата камнем преткновения является концепция издания, и чем дальше, тем ревностней. В издание, в которое я пишу, например, хуй пойми вообще как надо написать, чтобы попасть в самую концепцию, такая она крутая.

Особенно тяжело приходится тем глянцевым изданиям, где старательные, рвущие жопу главные редактора. Дело в том, что концепция зарубежного издания, мягко говоря, отличается от того, что будет должным образом воспринято в России. Интерьерные журналы за рубежом, к примеру, очень любят lovely things. Это такие всякие вазочки, куколки, рамочки и прочие хуюлилки. Если помещать это у нас, ни один приличный архитектор или дизайнер с таким изданием работать не будет. Потом теряются рекламодатели и т.д. Поэтому даже и старательным, рвущим жопу редакторам приходится объезживать хозяев – для их же блага. Чтобы на *нашей* почве достигался хотя бы примерно тот же эффект, что у западного аналога при *коррекции* общего концепта издания.

Что уж говорить о другом виде главных редакторов – похуистическом, которые, даже

чувствуется, какой сильный тайный восторг испытывают: мы в мужском журнале и хозяевам, и читателям подсуем на этот раз, что опиум – это круто, и сделаем так, что и те и другие это схавают и еще благодарны будут, что им такую фишку подсунули.

То есть покупает журнал для мужчин такой представитель миддл-класса, который мечтает стать хай-классом, но никогда им не станет, потому что так не бывает, хочет на голых баб посмотреть, на тачки крутые, то-сё. А ему там центральная статья про опиумные курильни на десять полос, и еще про один крутой ночной клуб семидесятых годов на восемь полос, и жизнь в нем настолько богемную, что опиумные курильни курят в углу и давятся соплями. Редакция потирает руки.

Очень характерна здесь судьба «Плейбоя» им. А.К. Троицкого. В начале существования русского варианта, когда он еще принадлежал издательскому дому «Индепендент Медиа», Троицкий набрал в журнал золотую молодежь в лучшем смысле этого слова. Что произошло естественным образом потом, понятно: концепция издания изменилась так, что нынешняя «Афиша» сойдет по сравнению с ним за ежегодник для домов престарелых. Хозяева одумались, но слишком поздно: подобно Наполеону самая знаменитая марка в мире не перенесла местный климат, и русский вариант «Плейбоя» принадлежит теперь издательскому дому «Бурда моден», который чувствует себя, наверное, как та бомжиха, на которую записано пять «Бэнтли». Тираж же его сдулся окончательно. Потому что все правильно делала наша золотая молодежь во главе с Троицким. Хороший был журнал.

Есть, конечно, исключения. Хозяин «Афиши» и «Большого города», один американец, мы не будем называть его имени из политкорректности, так вот, он кроме *drinkin' & fuckin'* вообще очень мало что знает о жизни, поэтому ему можно втюхать любую концепцию, он только счастлив будет. Оттого его издания и процветают – в них работают просвещенные люди, настоящие профессионалы, лучшие мозги отечества, которые не просто медиавирус могут запустить, целую раковую опухоль могут вдуть, никто и не заметит.

Кстати, с любимыми рекламодателями, особенно теми, кто дает полускрытую рекламу в виде «новостей», сравнительного анализа кефиrow и проч., глянцевым журналистам тоже ссориться нельзя. Но самые-то продвинутые из рекламодателей понимают, что лучшая реклама – это поприкалываться над товаром, потому что *нужно* прятать то, что *на самом деле* имеешь в виду, а глупые рекламодатели требуют похвалы. Тогда им терпеливо разъясняют, что их не объебали, а объебали читателей, но это уже тонкости.

То же и с политикой. Лучший рекламный ход сделал тот чувак, который выразил озабоченность состоянием демократии при Путине. Так и слышится хор восторженных голосов телезрителей: «Да кому она на х... всралась, эта демократия е... ная!» И вот тут начинаются отличия между глянцевой журналистикой и самиздатом, увы, не в пользу последнего.

Самиздату приходится говорить все то же самое, что уже обстёбано глянцем и помаленьку проникает в умы домохозяев, *прямо*, потому что он, в силу своей жанровой разновидности, *искренний*, в отличие от некоего гипотетического мейнстрима, которого он не любит без взаимности. Вопрос: что можно сказать прямо в мире с постмодернистским сознанием? Правильный ответ: только кучку банальностей, потому что «всё и всем давно известно, особенно самые свежие новости, поэтому удивляться нечему».

Объем воздействия самиздата – несколько и так уже в доску своих отщепенцев, глянцевой журналистики – все порядочные домохозяева, особенно юные. Вопрос: что происходит, когда им в подсознание вкладывается вся байда про Тимоти Лири, Че Гевару, Красные бригады, киберпанк? Правильный ответ: они думают, что это модно и охуевают. Вопрос: А не значит ли такая мода, что теперь Тимоти Лири, Че Гевара, Красные бригады и киберпанк *адаптированы* мейнстримом и для него безопасны? Правильный ответ: Это не важно.

Мейнстрим разносит в клочья. Телевизор давно уже не в состоянии никому ничего

диктовать. С газетами вообще полный пиздец. Свежайший сюжет моего домашнего видео: скрытая камера снимает, как я беседую с бабушкой. Бабушка говорит: «Я недавно читал в «Московском комсомольце»... По моему лицу пронесется такая гамма чувств, как будто сейчас с меня слетит парик. Что пишут в современных, в том числе и серьезных, книгах, я, как филолог, передавать отказываюсь. Вкратце могу сказать, что их содержание можно объяснить только заговором, ставящим своей непосредственной задачей сведение населения с ума. Образование становится *фантастически* дискретным: мои дочери учатся соответственно в первом и втором классе одной и той же школы, у младшей нет *ни одного* учебника, по которому бы училась в первом классе старшая. Про Интернет говорить вообще нечего. Вопрос: Как может влиять на мейнстрим кучка безумных междусобойчиков? Правильный ответ: только разлагающе.

Последнее, за что цепляется осиротевшее массовое сознание, это мода, о которой знают *все* только глянцевого издания. Вот тут-то и начинается оргазм. Потому что в моде ОНИ (список из текста О. Пшеничного КонтрКульт'ура №5 «НА ХУЙ ИДУТ» плюс все вошедшие в моду с тех пор), и ОНИ настолько по-разному патологичны, что если бы не глянцевая журналистика, реальность давно бы уже распалась на тысячу маленьких медвежат. Спасибо ей за это. Вопрос: кому? Правильный ответ: Обоим!

P.S. Вопрос: как вы думаете, почему данный текст по жанру является самиздатовским, т.е. прямым? Правильный ответ: а какая хуй разница?

Здесь я счел нужным поместить окончательную редакцию данного текста, совсем немногим отличающуюся от текста, который посылал Александру С. Волкову. Он редактировал первоначальный вариант, который полностью сохранился в его письме. Вот оно:

From: Volkov
 To: Tanya Parfenova
 Date: Tuesday, November 18, 2003, 1:58:29 PM
 Subject: myaso

ЛУЧШИЕ МОЗГИ Масс-медиа на страже реальности

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Искусство рукописных книг умерло с появлением печати. Стенография умерла с появлением магнитофона. Чудо-умельцы советской страны могли спаять на коленке фленжер, который звучал, как фирменный. Вопрос: почему сейчас никто не паяет фленжеры на коленке? Правильный ответ: никому это на хуй не нужно. С появлением клубов прошло время квартирных концертов. Время самиздата прошло с появлением глянцевого журналистики: она гораздо эффективнее внедряет в массовое сознание передовые идеи...

— Неплохо бы определиться, что есть “передовая идея”. Сегодня сплошь и рядом можно встретить высококвалифицированного (без дураков) программиста или менеджера, который понятия не имеет, кто такой (подставить любое - Делиус, Эко, Поллок, Сап, Фуллер etc), верхом совершенства считает группу “Ленинград” и делает в каждом слове по три ошибки. Время квартирных концертов прошло не потому, что появились клубы, а потому, что исчезла необходимость в, скажем так, интеллектуальном общении/развитии

- в клубы же ходят, как я вижу, чтобы “потрепаться”, а не для обмена мнениями. Так что я бы не сравнивал эти вещи; скорее под воздействием пресловутой “информационной эпохи”, заменившей анализ “методом поперечного сканирования” мутировал сам человеческий материал - процесс и результаты этой мутации и хотелось бы изучить и описать максимально подробно, аргументированно и, надо полагать, с изрядной долей юмора. И, кстати: искусство рукописных книг вовсе не умерло - по крайней мере в Европе это хорошо поставленный бизнес; стенография как способ практически исключаящий (в отличие от магнитофона) подделку тоже прекрасно себя чувствует, а чудо-умельцы теперь уже снова советской страны по-прежнему паяют фленжеры на коленке и даже впаривают их на Запад за бешеные тыщи - одного из таких кулибиных я знаю лично. Так что, наверное, есть смысл говорить о том, что прежняя закрытая “интеллектуальная модель не для всех” никуда не делась и благополучно развивается - уже в рамках более адекватной нынешнему времени “игровой” парадигмы, а вот формирование “новой” (имитации?) “для всех”... - стоит ли этим заниматься или оставим им “Матрицу-3”? Хотелось бы обсудить.

... ибо в изнурительной борьбе между формой и содержанием полностью победила упаковка.

Под упаковкой подразумевается не просто красивая форма. Функция упаковки – услаждение потребителя, и красивой бабушки на кефире или красивого глянца на журнале здесь мало. Читатель должен чувствовать, что его искренне хотят развлечь, доставить ему полезное удовольствие и готовы на все, чтобы ему было приятно. В ход идет и интрига, и легкость изложения, и остроумие, и панибратство, и заглядывание в интимные уголки души, и заглядывание в интимные уголки тела, и показывание голых баб. Основная творческая проблема – как голые бабы могут быть связаны с данной темой. Если мы рассказываем о кефире – голая баба пьет его и худеет, если о машине – голая баба ее моет/водит/сидит на крыше/лежит под/, если о лампе – голая баба засовывает ее в жопу.

— По поводу “полезности удовольствия”. То, что вместо ч/б телевизора “Юность” теперь плазменный “Samsung”, а вместо 3.62 - “Русский Стандарт” ничего не меняет. Как было двадцать лет назад, так и есть. Опять-таки: кто наша целевая аудитория? 90% населения с “некритичным сознанием” - так им это не нужно. 10% граждан (“гражданское общество”) - для них это банальность. Мы хотим изменить процентное соотношение? Каким образом? Видимо нужны иные аргументы.

И читатель выполняет свою приятную обязанность: он-таки читает текст.

— А вот это - вопрос. Читает ли? И что значит “читает”? Если в смысле “видит буквы” - это одно, а если способен понимать/анализировать - это другое. Хочется верить в последнее, но “сомненья девушку питали...” Мы еще в “Pinoller’e” писали, что текст превратился в пятно, а это было, так, на минуточку, ДО эпохи “глянца”. Ты уверен, что того же Сорокина “читают”? Может быть просто рассматривают?

Что является примером органичного взаимодействия предмета потребления и потребителя, которое называется культурой потребления. В ходе технического прогресса, убившего искусство рукописных книг, но давшего искусство книгопечатанья, наряду с которым можно упомянуть другие технически оснащенные искусства (вопрос: какие? Правильный ответ: да ракенролл, ёптыть!), мы с большим трудом дошли, наконец до той стадии, когда потребление стало как важнейшим социальным актом, так и важнейшим способом познания себя и мира. Потому что в мире непрекращающегося информационного ливня самоидентификация может быть связана только с установлением собственных приоритетов, собственной системы координат, в конечном счете собственной знаковой системы, каковой может являться ныне только система товарных знаков (это ж Пелевина пересказывают, прости господи, гений современности!).

— И с какого буя собственная система координат сводится к системе товарных знаков? Кого ты имеешь ввиду? Клиентов киевского продуктового рынка или аудиторию журнала “Афиша”? Уточни пожалуйста.

И все бы хорошо, но кроме читателя-потребителя и текста-конфетки есть еще автор. Он-то пока от полового акта между этими двумя ничего не имеет, кроме денег, которые не в счет. И он не может, не хочет и не должен удерживаться от желания засунуть в конфетку пружину, которая распрямится в желудке. Под видом идеологического мейнстрима прячется то, что Рушков называет медиавирусами, когда нужно прятать то, что на самом деле имеешь в виду – тогда-то оно и сработает, а если прямо это говорить – ну кто этому поверит, не маленькие.

Умный автор понимает, что лучший способ напитать идеями неокрепший домохозяйский мозг – заложить информацию подспудно, в качестве полезного удовольствия познания, что именно сейчас в моде, ведь излагаемое в глянце непременно модно, его нужно знать, чтобы ориентироваться в теме, иначе может получиться неловкость – прилюдно испытаешь удивление или вовсе окажется, что ты не знаешь того, что модно!

— Насчет “прятать”. Что-то не видел я “умных авторов” в журналах для домохозяек. Прямо как в старом анекдоте про пойманного русского шпиона: “- Они пытались воздействовать на подсознание, но ничего не добились! - Почему? - Потому что у меня нет подсознания!!!!” Что же касается Д. Рушкова, то, насколько я понимаю, он писал все это лет десять назад, и сейчас, в “постинформационную” эпоху следовало бы внести некоторые уточнения.

А ведь одним из основных девизов постмодернистского сознания является “всё и всем давно известно, особенно самые свежие новости, поэтому удивляться нечему”, следовательно, можно с легкой улыбкой говорить о расчлененке, нацистах, содомитах, сатанистах, (далее список из текста О. Пшеничного КонтрКульт’ура №4 “НА ХУЙ ИДУТ” плюс всё, вошедшее в моду с тех пор).

— Постмодернистское сознание - это все-таки жестко структурированная штука. В любую игру можно играть лишь зная ее правила. А с “легкой улыбкой” - это, наверное, постмодернистское бессознательное.

Кстати о деньгах (три абзаца назад). Иллюзия отличия глянцевого журналистики и самиздата в том, что первое связано с большими деньгами, второе нет. То есть первое прибыльно, жиреет с рекламы, идеологически является потребительским мейнстримом, журналисты роскошествуют в VIP-кабаках. Второе стоит себестоимость, деньги свои, идеологически независимо, журналисты работают дворниками и сторожами.

На самом деле существенных отличий между ними нет. О том, что большинство и бывших и настоящих самиздатовских журналистов являются работниками крупных масс-медиа, можно даже не упоминать, см. фото в КонтрКульт’уре # 4 “редакция образца 1989-91: кто есть кто ныне”.

— Однако, есть. Как ни банально, но все дело в мотивации, а она имеет обыкновение со временем меняться... Надеюсь, сам факт нашей переписки показывает иную возможность. Можно сколь угодно долго “нести разумное, доброе, вечное”, даже с материальной выгодой для себя, но вряд ли это “вечное” наступит до тех пор, пока ты сам его не создашь. Извини, что так, по-пионерски, но иначе и не скажешь. Роскошествовать же люблю - художник должен быть сытым.

То, что средства в глянцевые издания идут не за счет, упаси бог, прибыли, а за счет дорогих спонсоров-рекламодателей, тоже более менее понятно. А вот о том, что камнем преткновения остается концепция издания, за которой следят зарубежные хозяева, знают только те, кому плакались в жилетку глянцевые журналисты. Однако ведь и для самиздата камнем преткновения является концепция издания, и чем

дальше, тем ревностней. В издание, в которое я пишу, например, хуй пойми вообще как надо написать, чтобы попасть в самую концепцию, такая она крутая.

— В концепцию надо не попадать, концепцию надо создавать (см. выше).

Особенно тяжело приходится тем глянцевым изданиям, где старательные, рвущие жопу главные редактора. Дело в том, что концепция зарубежного издания, мягко говоря, отличается от того, что будет должным образом воспринято в России. Интерьерные журналы за рубежом, к примеру, очень любят *lovely things*. Это такие всякие вазочки, куколки, рамочки и прочие хуюлилки. Если помещать это у нас, ни один приличный архитектор или дизайнер с таким изданием работать не будет. Потом теряются рекламодатели и т.д. Поэтому даже и старательным, рвущим жопу редакторам приходится объебывать хозяев – для их же блага. Чтобы на нашей почве достигался хотя бы примерно тот же эффект, что у западного аналога при коррекции общего концепта издания.

Что уж говорить о другом виде главных редакторов – похуистическом, которые, даже чувствуется, какой сильный тайный восторг испытывают: мы в мужском журнале и хозяевам, и читателям подсунем на этот раз, что опиум – это круто, и сделаем так, что и те и другие это схавают и еще благодарны будут, что им такую фишку подсунули.

То есть покупает журнал для мужчин такой представитель миддл-класса, который мечтает стать хай-классом, но никогда им не станет, потому что так не бывает, хочет на голых баб посмотреть, на тачки крутые, то-сё. А ему там центральная статья про опиумные курильни на десять полос, и еще про один крутой ночной клуб семидесятых годов на восемь полос, и жизнь в нем настолько богемную, что опиумные курильни курят в углу и давятся соплями. Редакция потирает руки.

Очень характерна здесь судьба “Плейбоя” им. А.К. Троицкого. В начале существования русского варианта, когда он еще принадлежал издательскому дому “Индепендент Медиа”, Троицкий набрал в журнал золотую молодежь в лучшем смысле этого слова. Что произошло естественным образом потом, понятно: концепция издания изменилась так, что нынешняя “Афиша” сойдет по сравнению с ним за ежегодник для домов престарелых. Хозяева одумались, но слишком поздно: подобно Наполеону самая знаменитая марка в мире не перенесла русский климат и принадлежит теперь издательскому дому “Бурда моден”, который чувствует себя теперь, наверное, как та бомжиха, на которую записано пять “Бэнтли”. И вот тогда уже тираж “Плейбоя” обрушился в полную жопу. Потому что все правильно делала наша золотая молодежь во главе с Троицким. Хороший был журнал.

Есть, конечно исключения. Хозяин “Афиши” и “Большого города”, один американец, мы не будем называть его имени из политкорректности, так вот, он кроме *drinkin' & fuckin'* вообще очень мало что знает о жизни, поэтому ему можно втюхать любую концепцию, он только счастлив будет. Оттого его издания и процветают – в них работают просвещенные люди, настоящие профессионалы, лучшие мозги отечества, которые не просто медиавирус могут запустить, целую раковую опухоль могут вдуть, никто и не заметит.

Кстати, с любимыми рекламодателями, особенно теми, кто дает полускрытую рекламу в виде “новостей”, сравнительного анализа кефиrow и проч., глянцевым журналистам тоже ссориться нельзя. Но самые-то продвинутые из рекламодателей понимают, что лучшая реклама – это поприкалываться над товаром, потому что нужно прятать то, что на самом деле имеешь в виду, а глупые рекламодатели требуют похвалы. Тогда им терпеливо разъясняют, что их не объебали, а объебали читателей, но это уже тонкости.

— Ну, в общем, это все понятно. Но и здесь – “подсунем читателям”. Если всем что-то “подсовывают”, то я в этой очереди не стоял. Надеюсь, что и ты тоже. Стоит ли по этому поводу напрягаться?

Самиздату же приходится говорить прямо, потому что он, в силу своей жанровой разновидности, искренний, в отличие от некоего гипотетического мейнстрима, которого он не любит без взаимности. Вопрос: что можно сказать прямо в мире с постмодернистским сознанием? Правильный ответ: только кучку банальностей, потому что “всё и всем давно известно, особенно самые свежие новости, поэтому удивляться нечему”.

Объем воздействия самиздата – кучка и так уже в доску своих отщепенцев, глянцевой журналистики – все порядочные домохозяева, особенно юные. Вопрос: что происходит, когда им в подсознание вкладывается вся байда про Тимоти Лири, Че Гевару, Красные бригады, киберпанк? Правильный ответ: они

думают, что это модно и охуевают. Вопрос: А не значит ли такая мода, что теперь Тимоти Лири, Че Гевара, Красные бригады и киберпанк адаптированы для мейнстрима и для него безопасны? Правильный ответ: Это не важно.

— Разумеется, вся эта компания адаптирована для мейнстрима, да и самиздат далеко не весь такой искренний, каким кажется - ну и хуй бы с того. Опять-таки: чукча читатель или чукча - создатель?

Мейнстрим разносит в ключья. Телевизор давно уже не в состоянии никому ничего диктовать. С газетами вообще полный пиздец. Свежайший сюжет моего домашнего видео: скрытая камера снимает, как я беседую с бабушкой. Бабушка говорит: “Я недавно читал в «Московском комсомольце»”. По моему лицу проносится такая гамма чувств, как будто сейчас с меня слетит парик. Что пишут в современных, в том числе и серьезных, книгах, я, как филолог, передавать отказываюсь. Вкратце могу сказать, что их содержимое можно объяснить только заговором, ставящим своей непосредственной задачей сведение населения с ума. Образование становится фантастически дискретным: мои дочери учатся соответственно в первом и втором классе одной и той же школы, у младшей нет ни одного учебника, по которому бы училась в первом классе старшая. Про Интернет говорить вообще нечего. Вопрос: Как может влиять на мейнстрим кучка безумных междусобойчиков? Ответ: только разлагающе.

— Насколько мейнстрим монструозен, настолько и имеет обыкновение рушиться под собственной тяжестью, причем довольно быстро. Совок просуществовал несколько десятилетий, а рухнул, по большому-то счету, за несколько дней. Сейчас же ситуация еще более зыбкая, так что еще “будем посмотреть” “как слово наше отзовется”.

Последнее, за что цепляется осиротевшее массовое сознание, это мода, о которой знают всё только глянецовые издания. Вот тут-то и начинается оргазм. Потому что в моде ОНИ (список из текста О. Пшеничного КонтрКультур №4 “НА ХУЙ ИДУТ” плюс все вошедшие в моду с тех пор), и ОНИ настолько по-разному патологичны, что если бы не гляцевая журналистика, реальность давно бы уже распалась на тысячу маленьких медвежат. Спасибо ей за это. Вопрос: кому? Правильный ответ: Обeim!

P.S. Вопрос: как вы думаете, почему данный текст по жанру является самиздатовским, т.е. прямым? Правильный ответ: а какая хуй разница?

— Я бы не назвал этот текст “прямым” или “самиздатовским”. Во-первых, из-за сильной привязки к вещам, к “прямой” жизни отношения не имеющим (телевизор, “глянец”, “мода” etc), во-вторых, по причине отсутствия этого самого “САМиздатства”, т.е., извиняюсь за банальность, яркого личного начала. Ты все-таки пишешь в “Контру” (“хуй пойми вообще как надо написать, чтобы попасть в самую концепцию”), вместо того, чтобы эту “Контру” создавать самому. Но ведь редактор не только я - мы же договорились?

P.S. Вообще-то я предпочитаю личное общение.

From: T&D
To: Volkov
Date: Wednesday, November 19, 2003, 3:39:05 AM
Subject: Re: myaso

О ВАЖНОМ И ВТОРОСТЕПЕННОМ, И ЧТО ВАЖНО, А ЧТО ВТОРОСТЕПЕННО.

Прошу сразу прощения, что не посылаю пока «мясо2», оказалось, что слишком много поводов продолжить общение на тему «мяса1», тем более, что все виды общения мне одинаково приятны. Сразу поблагодарю за выражение «отсутствие яркого личного начала» – это, несомненно, из всех «Заметок...» самая пронзительная. В принципе, меня тоже подмывает узнать поподробнее, что же такое «ЯЛЧ» с примерами из талантливых публицистов и спорить, спорить по каждому из примеров, а потом приводить свои остроумные доводы, включая чисто формальные, в пользу своей полной своеобразности, но нет.

Частностей, действительно, на свете много.

Вот такая, например (по памяти): Если мы напишем, что Боря Усов зайчик, а царь дурак, то это не всегда так, но повод к размышлению.

Я не так сильно люблю топ-журналистику, как написал, каюсь, а самиздат и т.д.

Что, если, к примеру, начать так: 1) навсегда утрачен секрет приготовления красок для икон Андрея Рублева 2) сейчас переписывание в монастырях Священного Писания не является основным способом распространения Священного Писания. 3) Когда-то готовили вересковый мед, а теперь не готовят. Нет, можно ответить, недавно один молдаван нарисовал икону не хуже Андрея Рублева. А верескового меда и не было вовсе никогда – это фантазия. А никакого секрета в красках Андрея Рублева нет. А вересковый мед приготовить можно.

Я уже не говорю о вполне современном квартирном фестивале «Маяковский». Только вот является ли он «интеллектуальной моделью не для всех» – вопрос закрытый. Нет. Он – не является. Так же как мне кажется сильно преувеличенным интеллектуальное общение/развитие на далеких квартирных концертах прошлого. Я помню так: звонок по телефону, стрелка в метро, 3 рубля на входе «вы же понимаете, Юра летит в Америку», слушаем то, что за неимением других концертных помещений для подобных исполнителей нигде больше не послушаешь, расходимся. Может, тут-то и начиналось интеллектуальное пиршество? А мне оно не нужно... Я на Юру ходил. И в клубах потрепаться остается после концерта максимум треть всех зрителей. Может, это те самые интеллектуалы, которые обменивались мнениями на квартирниках, вместо того, чтобы артиста слушать? А можно еще привести в пример «теплую атмосферу». Ведь была, была она, а теперь нет.

И ведь это мы только один абзац только начали обсуждать...

Поэтому буду краток.

Передовых идей не существует. Ирония в адрес интеллектуальной журналистики.

Мое отношение к аудитории: такие же, как я. Уверен, их столько, сколько надо.

Читают-читают тексты-то. Глазки так и бегают. «Разглядывание текстового пятна» звучит тоже хорошо.

Система товарных знаков: У Гомера не было копирайта на «Илиаду». У Снорри Стурлуссона на «Эдду». У Сталина на совковый менталитет. Могу ли я издавать при желании что-нибудь под названием Делиус, Эко, Поллок, Сап, Фуллер, «КонтрКультура»? Нет. Но я знаю, что это круто. Это моя система приоритетов. Я иду и покупаю Делиус, Эко, Поллок, Сап, Фуллер, «КонтрКультура» на киевский рынок. Нескромный вопрос: у тебя есть юридически оформленный копирайт на «КонтрКультуру»?

Про постмодернистское бессознательное – здорово!

Про глупые статьи для домохозяек. В «КонтрКультуре» печатаются умные авторы – те же, что в топ-журналистике. Они не пишут глупости. Ни в «КонтрКультуре», ни в топ-журналистике. И рекламу глупой я тоже не считаю. Я считаю, что в ней тоже работают лучшие современные умы. Только безнравственные. Поэтому про «подсунем читателям» важно. Если мне что-то не нравится, я могу сказать, что этого не существует. Но оно же существует! Впрочем, на мой взгляд, «как должно быть» гораздо важнее, чем «как есть». Для тебя, похоже, тоже.

Рушков жил десять лет назад, Достоевский сто. Происходящее сейчас у нас пока еще гораздо раньше, чем то, о чем пишет Рушков. Но дело и не в этом тоже. Я просто упомянул термин и сослался на то, откуда я его взял.

Так вот, все это по отдельности не важно. Важна подоплека: скелеты в шкафу у глянцев под видом их восхваления путем сравнения с самиздатом. По-моему, прикольно. Ну, будет и мясо².

Д

PS. Блин, ну все-таки как уел с ярким-то личным началом!

Эпilog. СНОВА В РАЗЛУКЕ

Это пока все. Не так много, как мне казалось. Не тянет пока на целый номер, так, всего 108000 знаков, 60 обычных вордовских страниц по 1800 знаков, два с половиной авторских листа, 13 материалов, а в «КонтрКультуре» 110 страниц, раза в два побольше вордовских, но с картинками, правда. Материалов, конечно, количество сопоставимое – больше двадцати там не бывает, но они все побольше. С жанрами тоже не так уж разнообразно – в основном концепции и нет ни рецензий на компакт-диски, ни дневников (кстати!), ни интервью (хотя у меня есть одно про запас – с Гогой Солнцевым, и с Ником Рокнролом хотел сделать, когда он у меня в гостях был, но не решился занимать его своими пустопорожними интересами). Несерьезно. Так что будем продолжать. У меня сейчас, увы, снова дела, а не будь их, я бы всегда, без перерыва, писал острую публицистику для «КонтрКультуры», моей музыки, моей песни неспетой, моего самого любимого №6. Но ведь будет еще продолжение. Будет «мясо 2», непременно будет. Я даже уже кое-что придумал.

Хорошо чувствовать себя овощем на ветке созревания и рассуждать о полезности бездействия, пути настоящего воина, который состоит в постижении факта собственной уже состоявшейся смерти и всего с этим связанного, если находишься в состоянии успешной реализации собственных творческих потребностей, а если они отсутствуют, тем лучше.

Но когда понимаешь, что выбранная тобой суэта действительно есть смерть духа, обреченного отныне на вечное пребывание в тесной обители собственного письменного стола, ни о каком самурайстве думать не приходится. Противно только и слегка жутко.

Потому что нет оправданий бесконечному пиздежу, распространяемому вокруг, и отсутствие конечного результата в виде законченного труда (хотя вся мировая демагогия презирает законченный труд) – само по себе результат: были способности или нет теперь уже совершенно не важно.

Пишите письма.

2003